

ISSN 2949-6020

SAINTS CYRIL
AND METHODIUS INSTITUTE
FOR POSTGRADUATE
STUDIES

ОБЩЕЦЕРКОВНАЯ АСПИРАНТУРА
И ДОКТОРАНТУРА
ИМ. СВВ. РАВНОАП.
КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

ASPIRATIO

JOURNAL OF
CHURCH AND HUMANITIES
STUDIES

ЖУРНАЛ
ЦЕРКОВНО-ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

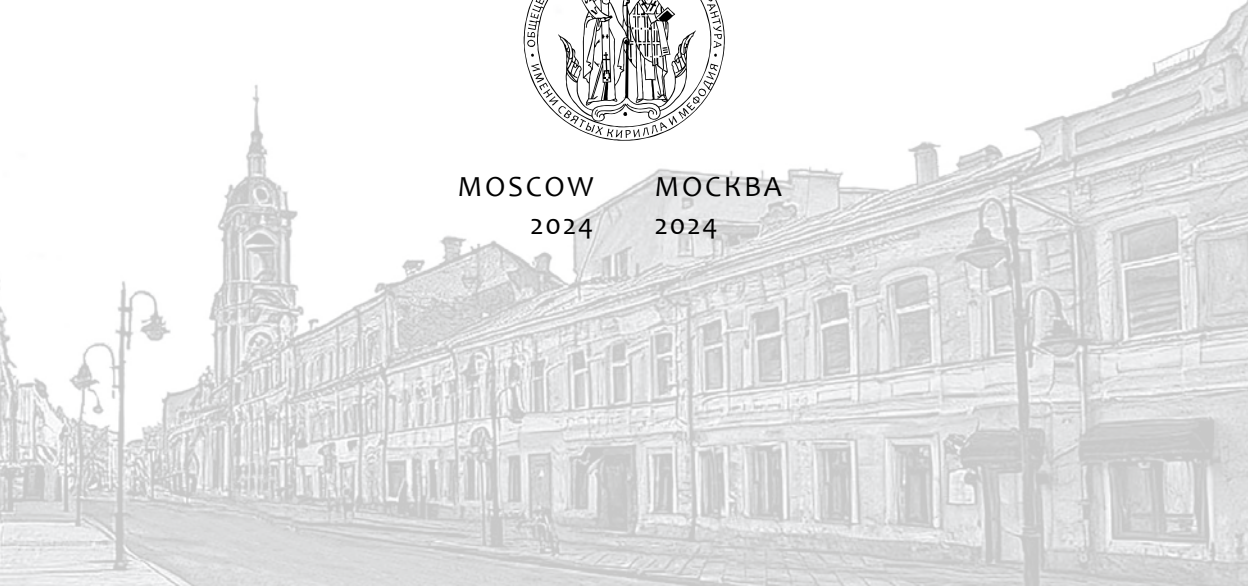
2024. VOL. 1 № 1
ISSN 2949-6020

2024. Т. 1, № 1
ISSN 2949-6020

MOSCOW
2024

МОСКВА
2024

ББК 86.2

ISSN 2949-6020

ASPIRATIO. ЖУРНАЛ ЦЕРКОВНО-ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
2024. Т. 1, № 1

Учредитель и издатель: Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования Русской Православной Церкви «Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия»

Научный журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-86314 от 27.11.2023 г.

Издается с 2023 г., выходит четыре раза в год.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте:

<https://doctorantura.ru/science/magazine/>

Адрес редакции и издателя: 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1

Тел.: +7 (495) 721-80-54, e-mail: ocad.aspiratio@patriarchia.ru

Секретарь редакции — Гриднева М. В.

Выпускающий редактор — Репкина А. В., дизайн — Вишнякова Е. Г., верстка — Кутепова Е. А., художник — Головина А. А., корректоры — Белова О. И., Мозжухина А. В.

Подписано в печать 00.00.2024

Формат 70х100/16. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 00 л. Тираж 000 экз. Заказ №

Отпечатано в типографии

© Религиозная организация — духовная образовательная организация высшего образования «Общецерковная аспирантура и докторантура им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия», 2024

ISSN 2949-6020

ASPIRATIO. JOURNAL OF CHURCH AND HUMANITIES STUDIES
2024. Vol. 1 № 1

Founder and publisher: Religious Organization — Higher Theological Educational Organization of the Russian Orthodox Church "Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies"

The journal is registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor).

Date of registration: 27th November, 2023. Registration certificate PI № FS77-86314.

Published since 2023. Quarterly Journal.

Rules for preparing articles, archive and additional information are available on the website:

<https://doctorantura.ru/science/magazine/>

Editorial office and Publisher address:

Pyatnitskaya St., 4/2, building 1, Moscow, 115035

Ph.: +7 (495) 721-80-54, e-mail: ocad.aspiratio@patriarchia.ru

Printing run 000 copies.

© Saints Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies, 2024

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief:

Maksim E. Kozlov, Archpriest —

Doctor of Theological Sciences (Honoris Causa),
Professor, Rector of the Saints Cyril
and Methodius Institute for Postgraduate Studies
Moscow, Russian Federation

Responsible Editor: Evgeny A. Pilipenko —

Doctor Theologiae, Docent, Professor of the
Department of Biblical and Theological Disciplines
and Vice-rector for Scientific Research of the Saints
Cyril and Methodius Institute for Postgraduate Studies
Moscow, Russian Federation

Andrey Y. Andreev —

Doctor of Historical Sciences, Professor,
Head of the Department of Church History
and General Humanitarian Disciplines of the Saints
Cyril and Methodius Institute for Postgraduate
Studies, Professor of the Department
of Russian History of the XIX — early XX Century
of the Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation

Vladimir G. Bashkirov, Archpriest —

Doctor of Theology, Professor
at the Minsk Theological Academy and Institute
of Theology of the Belorussian State University,
Minsk, Belarus

Jennifer Wasmuth —

Doctor Theologiae, Uni-Göttingen Professor,
Chair of “Ecumenical Theology with
Special Reference to Orthodox
Christianity and Its Global Impact
in History and the Present”, Germany

Andrey Y. Vinogradov —

Candidate of Historical Sciences, Doctor
of Philological Sciences, Professor
of the Department of Ecclesiastical and Practical
Disciplines of the Saints Cyril and Methodius
Institute for Postgraduate Studies,
Professor of the School of Historical Sciences
of Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Главный редактор:

Козлов Максим Евгеньевич, протоиерей —
доктор богословия (honoris causa),
профессор, ректор ОЦАД, г. Москва

Ответственный редактор:

Пилипенко Евгений Анатольевич —
доктор теологии (ThD), доцент, профессор
кафедры библейско-богословских дисциплин
и проректор по научной работе ОЦАД,
г. Москва

Андреев Андрей Юрьевич —

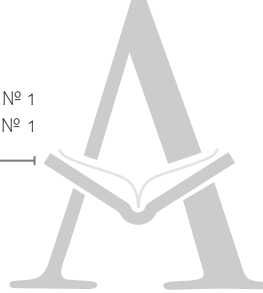
доктор исторических наук, профессор,
заведующий кафедрой
церковной истории и общегуманитарных
дисциплин ОЦАД, профессор кафедры
истории России XIX — начала XX в.
исторического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова, г. Москва

**Башкиров Владимир Григорьевич,
протоиерей —** доктор богословия, профессор
Минской духовной академии и Института
теологии Белорусского государственного
университета, г. Минск, Беларусь

Васмут Дженнифер — доктор теологии,
профессор Гёттингенского университета,
заведующая кафедрой экуменической
теологии со специализацией на изучении
православного христианства и его глобального
влияния в истории и в настоящем, Германия

Виноградов Андрей Юрьевич —

кандидат исторических наук,
доктор филологических наук, профессор
кафедры церковно-практических дисциплин
ОЦАД, профессор Школы
исторических наук ВШЭ, г. Москва

Mikhail S. Zheltov, Priest —

Candidate of Theological Sciences, Docent,
Head of the Department of Ecclesiastical and
Practical Disciplines of the Saints Cyril and
Methodius Institute for Postgraduate Studies,
Moscow, Russian Federation

Vladimir N. Katasonov —

Doctor of Philosophical Sciences, Doctor
of Theological Sciences, Professor,
Professor of the Department of Biblical and
Theological Disciplines of the Saints Cyril and
Methodius Institute for Postgraduate Studies
Moscow, Russian Federation

Aleksiy N. Marchenko, Archpriest —

Doctor of Church History,
Doctor of Historical Sciences, Docent, Head
of the Doctoral Studies Department, Professor
of the Department of Church History and General
Humanitarian Disciplines of the Saints Cyril and
Methodius Institute for Postgraduate Studies,
Moscow, Russian Federation

Ekaterina D. Matusova —

Candidate of Philosophical Sciences, Research
Fellow of the Department of Biblical and Theological
Disciplines of the Saints Cyril and Methodius
Institute for Postgraduate Studies, Head
of the Department of Antiquity of IKVIA
of the Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

Aleksey M. Pentkovski —

Doctor of Oriental Ecclesiastical Studies
(Pontifical Oriental Institute, Rome), Professor,
Professor of the Department of Ecclesiastical
and Practical Disciplines of the Moscow
Theological Academy, Senior Researcher at the
Institute of the Russian Language of the Russian
Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Vadim V. Polonski —

Doctor of Philological Sciences, Professor,
Corresponding Member of the Russian Academy
of Sciences, Director of the Gorky Institute of World
Literature of the Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation

Mikhail G. Seleznev —

Doctor of Philological Sciences, Professor
of the Department of Biblical and Theological

Желтов Михаил Сергеевич,

священник — кандидат богословия,
доцент, заведующий кафедрой
церковно-практических дисциплин
ОЦАД, г. Москва

Катасонов Владимир Николаевич —

доктор философских наук,
доктор богословия,
профессор, профессор кафедры
библейско-богословских дисциплин
ОЦАД, г. Москва

Марченко Алексей Николаевич,
протоиерей —

доктор церковной истории,
доктор исторических наук, доцент,
начальник отдела докторантуры,
профессор кафедры церковной истории
и общегуманитарных дисциплин ОЦАД,
г. Москва

Матусова Екатерина Дмитриевна —

кандидат философских наук, научный
сотрудник кафедры библейско-богословских
дисциплин ОЦАД,
заведующая кафедрой Античности
ИКВИА НИУ ВШЭ, г. Москва

Пентковский

Алексей Мстиславович —

доктор восточных церковных наук
(Папский восточный институт, Рим),
профессор, профессор кафедры
церковно-практических дисциплин МДА,
старший научный сотрудник Института
русского языка РАН, г. Москва

Полонский Вадим Владимирович —

доктор филологических наук, профессор,
член-корреспондент РАН, директор
Института мировой литературы
им. А. М. Горького РАН, г. Москва

Селезнёв Михаил Георгиевич —

доктор филологических наук, профессор
кафедры библейско-богословских

Disciplines of the Saints Cyril and Methodius
Institute for Postgraduate Studies,
Docent of Institute of Classical Orient
of the Higher School of Economics,
Moscow, Russian Federation

Natalia S. Semenova —

Candidate of Juridical Sciences, Docent,
Docent of the Department of Ecclesiastical and
Practical Disciplines of the Saints Cyril and
Methodius Institute for Postgraduate Studies,
Moscow, Russian Federation

Serafim (Vladimir L. Amelchenkov),

Bishop — Candidate of Theological Sciences,
Doctor of Theological Sciences, Candidate
of Historical Sciences, Professor of the Department
of Ecclesiastical and Practical Disciplines
of the Saints Cyril and Methodius Institute
for Postgraduate Studies, Chair of the Synodal
Department for Youth Affairs,
Moscow, Russian Federation

Vadim G. Suvorov, Archpriest —

Doctor of Theological Studies, Rector
of the Kolomna Theological Seminary,
Kolomna, Russian Federation

**Filipp (Veniamin V. Simonov),
Archimandrite —**

Doctor of Economical Sciences,
Professor, Honored Economist of the Russian
Federation, Head of the Department
of Church History of the Faculty of History
of the Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russian Federation

Sergey L. Firsov —

Doctor of Historical Sciences, Professor
of the Saint-Petersburg Theological Academy,
Saint-Petersburg, Russian Federation

Vladimir F. Khulap, Archpriest —

Candidate of Theological Sciences,
Doctor Theologiae, Docent,
Professor and Head of the Department
of Ecclesiastical and Practical Disciplines
of the Saint-Petersburg Theological Academy,
Dean of the Theological and Pastoral Faculty,
Vice-Rector for Academic Affairs
of the Saint-Petersburg Theological Academy,
Saint-Petersburg, Russian Federation

дисциплин ОЦАД, доцент
Института классического Востока
и Античности НИУ ВШЭ, г. Москва

Семёнова Наталия Сергеевна —

кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры церковно-
практических дисциплин ОЦАД, г. Москва

Серафим (Амельченков

Владимир Леонидович), епископ —
кандидат богословия,
доктор теологии, кандидат исторических
наук, профессор кафедры церковно-
практических дисциплин ОЦАД,
председатель Синодального отдела
по делам молодежи, г. Москва

Суворов Вадим Геннадьевич,

протоиерей — доктор богословия,
ректор Коломенской духовной семинарии,
г. Коломна

**Филипп (Симонов Вениамин Владимирович),
архимандрит —**

доктор экономических наук, профессор,
заслуженный экономист Российской Федерации,
заведующий кафедрой истории Церкви
исторического факультета МГУ
им. М. В. Ломоносова, г. Москва

Фирсов Сергей Львович —

доктор исторических наук,
профессор СПбДА, г. Санкт-Петербург

Хулап Владимир Фёдорович,

протоиерей — кандидат богословия,
доктор теологии, доцент,
профессор и заведующий кафедрой
церковно-практических дисциплин СПбДА,
декан богословско-пастырского
факультета, проректор по учебной
работе СПбДА, г. Санкт-Петербург

CONTENTS

♦ **CHURCH PRACTICAL STUDIES** 8

Mikhail Dronov, Archpriest
Systematic Approach to Solving the Pastoral Theology Tasks 8

♦ **CHURCH HISTORICAL STUDIES**

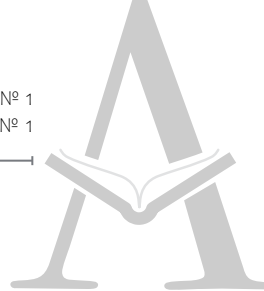
Dionysiy Krasnopyorov, Priest
The Disciples and Followers of St. Dionysiy of Suzdal: the Personality Formation in the Cultural Context of the Epoch 50

Matfey (Kopylov),
Archbishop of Egoryevsk
“Ural Athos” - Belogorsk St. Nicholas Orthodox Missionary Monastery of the Perm Diocese on the Eve of Great Changes (1914–1917) 72

Alexander Starodubtsev, Priest. Olga S. Trofimova
Priest Peter Slavolubov as a Representative of the Learned Parish Clergy of the Church of the Beheading of John the Baptist at the Pine Forest 86

♦ **TRANSLATIONS**

Alexey R. Fokin
Marius Victorinus and the Message of Candidus the Arian “On the Divine Birth”: the History of the Text and Its Theological Context 110

СОДЕРЖАНИЕ

♦ ЦЕРКОВНО-ПРАКТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 8

Михаил Дронов, протоиерей

Системный подход к решению пасторологических задач 8

♦ ЦЕРКОВНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дионисий Краснопёров, священник

**Ученики и последователи святителя Дионисия Суздальского:
формирование личности в культурном контексте эпохи 50**

Матфей (Копылов), архиепископ Егорьевский

**«Уральский Афон» — Белогорский Свято-Николаевский православно-
миссионерский мужской монастырь Пермской епархии накануне
великих перемен (1914–1917) 72**

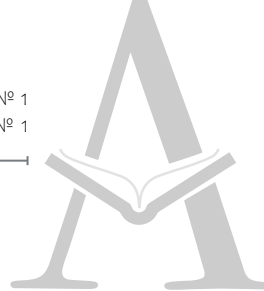
Александр Стародубцев, священник. О. С. Трофимова

**Священник Петр Славолубов как представитель ученого духовенства
прихода церкви во имя Усекновения главы св. Иоанна Предтечи
под Бором 86**

♦ ПЕРЕВОДЫ

А. Р. Фокин

**Марий Викторин и послание Кандида Арианна «О Божественном
рождении»: история текста и его богословский контекст 110**

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ
УДК 25+316.3

СИСТЕМНЫЙ ПОДХОД К РЕШЕНИЮ ПАСТОРОЛОГИЧЕСКИХ ЗАДАЧ¹

Михаил Александрович Дронов,
протоиерей

Кандидат богословия
Председатель Епархиального суда, член Епархиального совета,
настоятель русской православной общины во Фрайбурге, Брайсгау.
Берлинско-Германская епархия
Русской Православной Церкви Московского Патриархата.
Wildensteiner Straße 10, 10318 Berlin, Deutschland.
dronov@orthofr.de, <http://orcid.org/0009-0002-2909-7507>

АННОТАЦИЯ. В статье анализируется, насколько традиционная пасторология открыта к использованию в ее рамках современных аналитических инструментов. Раскрывается дискуссия о предмете и методе пастырского богословия в XIX в. в России, в ходе которой обсуждался вопрос, возможен ли для пасторологии такой же переход на историко-критический метод исследования, какой в XVIII в. совершили другие богословские дисциплины. Выявлено, что в самом начале XX в. произошла радикальная смена системных оснований пастырского богословия с историко-критических на социологические. Прослежено влияние неокантианского априоризма на произошедшую смену методологических парадигм в пастырском богословии. Предложено использовать в пасторологии макросоциологический системно-функциональный анализ, который также имеет неокантианские истоки. Раскрывается четырехфункциональная парадигма, описывающая самовоспроизводящееся сообщество применительно к Церкви как мистическому Телу Христову. Рассматривается эффективность нового инструментария для учебного процесса в духовном образовании.

¹ Статья основана на докладе, представленном автором на научно-практической конференции «Пастырство в современном мире: опыт, практика, перспективы», организованной комиссией Межсоборного присутствия Русской Православной Церкви по церковному управлению, пастырству и организации церковной жизни. Санкт-Петербург, 16 мая 2019 г.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: История пасторологии, неокантианство, системно-функциональный взгляд на Церковь, евхаристическая интеграция членов Церкви, системные сбои в Церкви

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Дронов М. А., протоиерей. Системный подход к решению пасторологических задач // Aspiratio. 2024. Т. 1, № 1: 8–49.

RESEARCH ARTICLE

UDC 25+316.3

SYSTEMATIC APPROACH TO SOLVING THE PASTORAL THEOLOGY TASKS

Mikhail A. Dronov, Archpriest

Candidate of Theological Sciences,
Chair of the Diocesan Court, member of the Diocesan Council,
Rector of the Russian Orthodox Community in Freiburg, Breisgau.
Berlin diocese of the Russian Orthodox Church, Moscow Patriarchate.
Wildensteiner Straße 10, 10318 Berlin, Deutschland.
dronov@orthofr.de, <http://orcid.org/0009-0002-2909-7507>

ABSTRACT. The article analyzes to what extent traditional pastoral theology is open to the use of contemporary analytical tools within its framework. The discussion about the subject and method of pastoral theology in the 19th century in Russia is revealed, during which the question was raised whether pastoral theology could undergo a transition to the historical-critical method of research, like that which other theological disciplines accomplished in the 18th century. It is identified that at the beginning of the 20th century, there was a radical shift in the systemic foundations of pastoral theology from historical-critical to sociological. The influence of neo-Kantian apriorism on the shift in methodological paradigms in pastoral theology is traced. It is proposed to use macro-sociological system-functional analysis in pastoral theology, which also has neo-Kantian roots. The four-functional paradigm describing the self-reproducing community in relation to the Church as the mystical Body of Christ is disclosed. The effectiveness of the new toolkit for the educational process in spiritual education is considered.

KEYWORDS: History of pastoral theology, neo-Kantianism, system-functional perspective on the Church, Eucharistic integration of Church members, systemic failures in the Church

FOR CITATION: *Dronov M., archpriest. "Systematic Approach to Solving the Pastoral Theology Tasks". Aspiratio. 2024. Vol. 1 № 1: 8–49.*

1. К ВОПРОСУ О НАУЧНЫХ МЕТОДАХ ПАСТОРОЛОГИИ

Пастырское богословие, пасторология, сформировалась как современная учебная дисциплина на протяжении XVIII в. в эпоху Просвещения². Именно тогда эта изначально практическая дисциплина нашла свое место в общем тематическом делении и взаимном соотношении концептов богословских предметов в системе духовного образования. Как университетская учебная дисциплина Нового времени пасторология впервые появилась у протестантов, в частности, один из первых курсов пастырской этики (вышел в 1711 г.), принадлежит Иоганну Францу Будде (1667–1729)³. Первый католический пасторологический труд — «*Homo apostolicus*»⁴ был выпущен в 1759 г. Альфонсом Лигуори (Alphonsus Liguori, 1696–1787)^{5 6}. Что касается православной пасторологии, то первый труд, отвечающий новым нормам гуманитарных исследований, сформированным в эпоху Просвещения, вышел без указания авторства в 1776 г. Это трактат «О должностях пресвитеров приходских»⁷, к которому, по мнению большинства исследователей, приложили руку свт. Георгий Конисский (1717–1795) и еп. Смоленский Парфений (Сопковский 1717–1795). Менее чем за шесть десятилетий к 1833 г. этот пасторологический

² Термин «просвещение» утвердился для обозначения одной из поворотных эпох развития новоевропейской мысли, культуры и самосознания после выхода в свет в 1784 г. статьи И. Канта «Что такое просвещение?».

³ См. Buddeus J., *Institutiones theologiae moralis variis observationibus illustratae* (Lipsiae: Apud haeredes Thomae Fritsch, 1727).

⁴ Liguori A. *Homo Apostolicus instructus in sua vocatione*, in 2 t. (Mechlinae: H. Dessain: P. J. Hanicq, 1842–1867).

⁵ “St. Alphonsus Liguori,” *Catholic Encyclopedia*, November 11, 2023, <https://www.newadvent.org/cathen/01334a.htm>

⁶ “Pastoral Theology,” *Catholic Encyclopedia*, November 7, 2023, <https://www.newadvent.org/cathen/14611a.htm>

⁷ О должностях пресвитеров приходских. М. 2004.

трактат претерпел двадцать переизданий⁸. Между тем до его появления даже в Славяно-греко-латинской академии пасторологию преподавали по трудам протестанта Будде⁹.

Следует иметь в виду, что в XVIII в. не только богословие, но все гуманитарные науки получили импульс для бурного развития со стороны именно естественных наук, которые и сами всего столетием раньше пережили революционный сдвиг, приведший к становлению новоевропейской науки. Иногда эту эпоху называют Предпросвещением, когда благодаря Г. Галилею, Р. Декарту, И. Кеплеру, И. Ньютону и др. в умах ученых радикально поменялась картина мира, — и схема реальности, и схема метода. В частности, в соответствии с новыми методологическими нормами объяснения природных процессов и явлений их устремленностью к заданной цели были признаны ненаучными. Т. е. концепт аристотелевской энтелехии был исключен из научной методологии¹⁰. Строго научным было признано лишь объяснение всех природных явлений предшествовавшими им причинно-следственными связями.

Переосмысление коснулось также и метода научного познания в целом. Так, в противовес аристотелевскому «Органону», объединившему методологические труды древнегреческого философа, представитель английского эмпиризма Френсис Бэкон (1561–1626) в 1620 г. выпустил свой «Новый Органон»¹¹. Аристотелевскую индукцию, т. е. выведение общего теоретического положения из частных посылок, Бэкон дополнил обязательной его верификацией на опыте, поскольку подобного рода обобщения часто чреваты ошибками — «идолами мысли»¹². Так появился современный метод научного познания, требующий собранные эмпирические (по сути, единичные) данные подвергать теоретическому

⁸ Там же. С. 4.

⁹ Петров В. С. Развенчивание мифов об образовании пастырей: опыт XX в. // Богослов.ru. Научный богословский портал. 11.06.2020. [<https://bogoslav.ru/article/6165566>, доступ от 7.11.2023].

¹⁰ Гайденок П. П. К проблеме становления новоевропейской науки // Вопросы философии. 2009. № 5. С. 86.

¹¹ *Novum Organum Scientiarum*. Издано на латинском языке в Лондоне в 1620 г.

¹² Бэкон Ф. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М. 1978. С. 18–20.

обобщению (индукция), — затем выведенное теоретическое правило верифицировать опять-таки эмпирически (в идеале экспериментально). Понятно, что главную ценность здесь представляет именно теория, подтвержденная на практике, поскольку она становится тем «общим» правилом, на основании которого можно предсказывать бесконечное множество частных случаев (дедукция). Теоретик научного метода середины XX в., представитель постпозитивизма Карл Поппер назвал этот научно-методологический конструкт «дедуктивной системой»¹³, подчеркивая функциональное предназначение научного метода.

Новые методологические нормы научных исследований, введенные в естествознание, были также продуктивно восприняты и гуманитариями. В 1725 г. вышел фундаментальный труд итальянского философа эпохи Просвещения Джамбатиста Вико (1668–1744), авторское название которого так и гласило: «Основания новой науки...»¹⁴. Новую схему естественно-научного метода, в которой аристотелевский сбор частных данных и их обобщение были дополнены Бэконом перепроверкой на практике, Дж. Вико перенес в область гуманитарных исследований. Благодаря ему гуманитарные науки впервые обрели свое социологическое измерение, поскольку для индивидуальных достижений человеческого духа, равно как и для явлений культуры, да и для многого другого все обобщения в итоге выливаются в выведение объективных закономерностей, по которым функционируют сообщества людей. К ним Вико, в частности, относил свадебные и погребальные ритуалы, по факту являющиеся универсальными показателями развития цивилизации. Уже в начале XIX в. немецкий историк античного Рима Б. Г. Нибур¹⁵ переместил свой исследовательский интерес, следуя новой методологии, с биографий и случайных событий на такие общественные институты, как общество и государство.

Методологическая система Вико приобрела сколько-нибудь законченный вид только к концу XVIII — первой половине XIX вв., когда

¹³ Поппер К. Логика социальных наук. Девятнадцатый тезис // Вопросы философии. 1994. № 10. С. 72.

¹⁴ Вико Дж. Основания новой науки об общей природе наций. Л., 1940.

¹⁵ Niebuhr B., Römische Geschichte, 3 Bde. Berlin: Verlag von S. Calvary & Co, 1811–1832.

сформировалось источниковедение в современном понимании: было выработано понятие историко-литературного источника и сформулированы принципы его анализа. Так появилась историческая критика, сочетающая низшую источниковедческую (прежде всего, лингвистическую) критику и высшую концептуальную критику, опирающуюся на объективные закономерности, по которым функционирует социум. Труды Вико легли в основу не только современной исторической критики, но также в основу философии истории, социологии, культурной антропологии и этнологии. На рубеже XVIII и XIX вв. слово «критика» вошло в состав большинства гуманитарных дисциплин: критика историческая, текстуальная, литературная, библейская... Сюда же до некоторой степени можно отнести кантовские философские «Критики» чистого и практического разума и так далее. Многие разделы сегодняшнего гуманитарного знания тогда же обрели привычные для нас черты. Именно в течение второй половины XVIII в. богословские дисциплины также достаточно легко перешли на рельсы историко-критического метода, поскольку при этом вера в богооткровенную природу трактующих ими истин вообще никак не затрагивалась. Ведь добротный историко-критический анализ христианских источников, начиная с библейских текстов, не может помешать вере, напротив, способен усилить понимание образа Бога и Его Промысла о мире, если, конечно, при этом метафизические основания исследуемого явления (в данном случае религиозные основания) не будут подменены атеистическими, пантеистическими, псевдорелигиозными, или иными.

Что касается общерелигиозных философских оснований христианского богословия, то после Символа веры, принятого отцами II Вселенского Собора в Константинополе в 381 г., по сути, отпадает необходимость анализировать обширный материал новозаветных текстов и творений святых отцов с целью выявления метафизических оснований церковного учения. В пользу этого свидетельствует также и тот факт, что III Вселенский Собор (Эфес, 431) подчеркнул запретил менять и редактировать Никео-Цареградский символ (7-е правило). В логической конструкции Символа и в его нарративе однозначно (насколько это в принципе возможно) запечатлен, во-первых, фундаментальный образ *постижения* человеком Бога; во-вторых, *содержание* христианского Откровения о Боге.

Образ богопознания согласно Никео-Цареградскому символу веры исчерпывается тремя глаголами, произносимыми от лица читающего: πιστεύω εἰς (верую в относится к членам с 1-го по 9-й); ὁμολογῶ (исповедую — к 10-му члену); προσδοκῶ (чаю, ожидаю — к членам 11-му, 12-му). Эти три глагола глубоко и всесторонне характеризуют нуминозное¹⁶ наполнение христианской веры, т. е. религиозный опыт, который вера в себя включает, не ограничиваясь поверхностным знанием о Боге, но выражаясь в религиозном поклонении, т. е. в ответной обращенности творения к Творцу. Образ Бога Троицы и образ Его промысления о людях, открытый Им Самим, передается в членах с 1-го по 8-й. Образ спасительных средств для освобождения людей от греха и соединения с Богом (Церковь и таинства), т. е. тех средств спасения, которые дарованы Богом людям, передается в 9-м и 10-м членах. Наконец, образ Вечности, наступление которой обещано Богом, представлен в заключительных 11-м и 12-м членах Символа.

В последующем все догматические компендиумы, начиная с «Точного изложения православной веры» прп. Иоанна Дамаскина († 754), в своем построении так или иначе воспроизводят оба эти метафизические основания христианского богословия: 1) вера человека в Бога, *открывающего* ему Себя; 2) содержание *Откровения* Божия. Собственно, до появления новых норм научных исследований в гуманитарных областях наличие этих двух философских оснований признавалось необходимым и достаточным для любого исследования, претендующего на право называться богословским. Причем это характерно не только для восточной патристики, но и для западной схоластики¹⁷. Все резко поменялось в эпоху Просвещения, когда метод исторической критики стал обязательным для всякой уважающей себя богословской дисциплины

¹⁶ Понятие введено немецким протестантским теологом Рудольфом Отто в книге «Священное» в 1917 г. См.: Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб., 2008.

¹⁷ 1–4 главы Точного изложения православной веры прп. Иоанна Дамаскина посвящены вере и Откровению Божию; последующие главы содержанию веры. В Сумме теологии Фомы Аквинского первые два вопроса относятся к различению философии и теологии и пяти доказательствам бытия Бога. Далее — содержание веры.

академического уровня. Что касается тех дисциплин, предмет которых не позволяет развернуть во всю ширь историко-критический метод, к ним сложилось отношение как к второстепенным практическим курсам. Безусловно, в полной мере это коснулось и пасторологии, поскольку большая часть всех источников пастырского богословия: тексты Священного Писания, церковные правила, творения святых отцов — уже задействованы в качестве фундаментального базиса в других богословских дисциплинах. Понятно, что выдержать конкуренцию с ними в отношении масштабов применимости историко-критического метода пасторологии не под силу.

То же относится и к основному предмету изучения пасторологии, т. е. к институту церковных пастырей и к предъявляемым к ним требованиям. Если попытаться отыскать, где в Символе веры скрыты все вопросы, связанные с пастырской проблематикой, ответ один: они имплицитно растворены в 9-м члене, исповедующем веру в Церковь. Т. е. предмет пасторологии вполне может быть поглощен предметной областью экклезиологии, разделом учения о Церкви догматического богословия. В энциклопедическом «Точном изложении православной веры» прп. Иоанна Дамаскина также не нашлось места для специального обсуждения пастырского вопроса. Нет его и в «Суммах теологии» Фомы Аквината, хотя с Римско-Католической Церковью в этом отношении все еще сложнее. Учительство Церкви, институализированное в лице иерархии во главе с Римским папой и догматически привязанное к Священному Преданию и Писанию как *магистериум*, в католичестве противопоставлено учимой части Церкви¹⁸. Это католическое нововведение вызывает резкое несогласие Православной Церкви.

Тем не менее богословское осмысление пастырского служения всегда оставалось насущной потребностью в Церкви. Во всяком случае, дискуссии о значимости пасторологии в системе богословского образования и в России, и в Европе продолжались до конца XIX в.

¹⁸ Ватиканский собор II. Догматическая конституция «Божественное Откровение». Ватикан: Tipografia poliglotta Vaticana, 1967. С. 8.

2. ДИСКУССИЯ О ПРЕДМЕТЕ И МЕТОДЕ ПАСТЫРСКОГО БОГОСЛОВИЯ В XIX В.

Методологический анализ пастырского богословия в России за XIX в. существенно облегчен благодаря фундаментальному исследованию по этой теме иеромонаха Иннокентия (Пустынского)¹⁹. Его труд часто использовался и обильно цитировался авторами всех последующих курсов пастырского богословия, — обойти вниманием его личность было бы недопустимым упущением. Карьера церковного историка поначалу складывалась весьма удачно. После защиты в 1900 г. магистерской диссертации (его 400-страничный труд по истории российской пасторологии опубликован годом раньше) через три года он уже стал епископом Аляскинским. К 1917 г., когда он принял участие во Всероссийском Поместном Соборе, он находился на третьей за время своего архиерейства кафедре — Туркестанской и Ташкентской. С 1923 г., однако, в его жизни начались трагические события: он перешел в обновленчество, затем через десять лет был арестован и сослан в Алма-Ату. А в 1936 г. за попытку воссоединиться с патриаршей Церковью был исключен Синодом обновленцев из числа обновленческих архиереев. В следующем 1937 г. он был арестован как «участник антисоветской повстанческой организации церковников» и расстрелян.

Методологическим итогом столетнего развития пастырского богословия и в России, и в Европе, как показал иеромонах Иннокентий (Пустынский), явилась неутихающая полемика по вопросу, является ли пасторология полноценной богословской дисциплиной с собственным предметом изучения, не «взятым напрокат»²⁰ у других дисциплин. Суть спора состояла в том, насколько пасторологический метод отвечает актуальным нормам историко-критического изучения и преподавания данного предмета. Сам исследователь отечественной пасторологии, не особо рассчитывая на успех, как мог отстаивал ее самостоятельность и полноценность. Прежде всего он указывал на задачу воспитания кандидатов

¹⁹ Иннокентий (Пустынский), иером. Пастырское богословие в России за XIX в. Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, собственная типография, 1899.

²⁰ Там же. С. XI.

в духовенство и клириков, стоящую перед пастырским богословием. Никакая другая дисциплина не способна ее ни заменить, ни дублировать. Нельзя не признать, что иеромонах Иннокентий (Пустынский) очень близко подошел к той аргументации, которая через каких-то полтора десятка лет станет уже для пасторологии неоспоримой, позволившей ей занять прочное место среди прочих богословских наук. Но на момент, когда он работал над магистерской диссертацией, аргументы против, выдвигаемые его оппонентами, были непреодолимыми.

Так, например, автор статьи в журнале «Вера и разум» профессор Киевской духовной академии П. И. Линицкий (1839–1906)²¹, хотя не был против воспитательных задач в духовном образовании, однако считал, что они не соответствовали академическому уровню. Это всего лишь уровень среднеобразовательного учреждения, которому в то время соответствовали духовные училища и семинарии. Как справедливо заметил этот автор, воспитание нуждается в догматическом, но никак не в критическом методе преподавания. Для набора воспитательных директив, которые может предложить пасторология, не вторгаясь в предметную область других богословских дисциплин, а непосредственно от себя, — считал он, — не применим критический анализ, без которого наука не может быть полноценной. С его точки зрения, абсолютно справедливой в рамках господствовавшей тогда методологической нормативности научных исследований, пасторология не обладает предметом изучения, релевантным для критического анализа.

Так, к концу XIX в. системно-методологический подход, определявший академическую среду Русской Церкви, подготовил ученую общественность к тому, чтобы лишить пасторологию права называться научно-богословской дисциплиной. Казалось, что неминуемо это вот-вот произойдет, поскольку пастырское богословие оперирует предметом не своим, а других богословских наук. Для решения же своих непосредственных задач, связанных с воспитанием пастырей, оно, по сути, и не нуждается в применении историко-критического метода, как тогда были уверены, единственного по-настоящему научного. Но в самом начале

²¹ Линицкий П. И. Положение и нужды нашего духовного, преимущественно высшего образования // Вера и Разум. 1897. № 20. С. 317–334; № 21. С. 361–376.

XX в. в области методологических норм социогуманитарных исследований вновь произошли революционные перемены, благодаря чему статус научности пасторологии резко повысился.

3. СИСТЕМНЫЕ ОСНОВАНИЯ ПАСТОРОЛОГИИ В XX В.

Важной вехой в развитии русской науки о пастырстве явилось систематическое руководство иеромонаха Вениамина (Федченкова; впоследствии митрополит)²², впервые опубликованное в 1911 г. Нельзя не заметить радикально изменившуюся трактовку вопроса о научном методе дисциплины. Сужение предметной области пасторологии до примитивного «управления» пасомыми²³ автор решительно называет протестантским подходом, поскольку при этом из пастырского богословия выпадают все вопросы, касающиеся таинства Священства. Дробление же науки на бесконечное поверхностное перечисление пастырских обязанностей он относит к формально-схоластическому подходу, характерному для католицизма²⁴. Свое «оправдание пастырства» автор строит на функциональной дифференциации социальной жизни вплоть до «простого разделения труда»²⁵. Все это прямо указывает на то, что в качестве главного предмета у молодого пасторолога выступают уже не тексты, пусть даже священные, подлежащие историко-критическому анализу, а социальные условия приходской общины и общества в целом, в которых, собственно, и протекает пастырское служение²⁶. Это — объемный и динамичный предмет изучения, — понятно, что он требует уже совсем иных методологических подходов, пригодных для анализа социальной функциональности.

²² Вениамин (Федченков), иером. Лекции по пастырскому богословию с аскетикой, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной академии в 1910/1911 учебном году, изд. студентом IV курса свящ. В. И. Зыковым. СПб.: Литография Я. Богданова, 1911. Также: Вениамин (Федченков), митр. Лекции по пастырскому богословию с аскетикой. М., 2006.

²³ Вениамин (Федченков), митр. Лекции по пастырскому богословию с аскетикой. М., 2006. С. 26.

²⁴ Там же. С. 27.

²⁵ Там же. С. 32–33.

²⁶ Там же. С. 33.

Столь стремительная смена предмета изучения пасторологии, естественно, не может не вызывать вопрос: что же произошло с нормативной схемой метода в пасторологических исследованиях за столь короткий промежуток времени?

В том же 1899 г., когда в типографии Троице-Сергиевой лавры был напечатан внушительный труд иеромонаха Иннокентия (Пустынского), в германском Штутгарте вышла книга представителя Марбургской школы неокантианцев Пауля Герхарда Наторпа под названием «Социальная педагогика»²⁷. И хотя ее русский перевод был опубликован в Петербурге только в 1911 г., т. е. одновременно с «Лекциями по пастырскому богословию» иеромонаха Вениамина (Федченкова), будущий митрополит, безусловно, был уже знаком с основными идеями создателя социальной педагогики. Очевидно, что и до Наторпа все известные педагоги-теоретики признавали социальную природу вообще всякой педагогики, поскольку воспитание детей происходит в обществе и для общества. Наторп, однако, оказался первым, кто отважился слово педагогика радикально развести с детским воспитанием и образованием, с которыми это слово ассоциировалось с античных времен, когда оно появилось. Едва ли автор «Социальной педагогики» в самом конце XIX в. мог даже предположить, сколь широкое развитие в Европе ближе к концу наступающего тогда XX в. получит социальная работа, воспринявшая выдвинутые им идеи и предложенное им название.

Самого Наторпа волновало, однако, другое. В предисловии ко второму и третьему изданиям своей книги он защищал философские основы неокантианства. Оппоненты, как язвительно писал он, поучали его, что «всякий философ должен когда-нибудь пройти через Канта, но не должен останавливаться на Канте для обоснования эмпирических наук»²⁸. Для неокантианцев возвращение к Канту означало, однако, признание неизбежной априорности методологических принципов, без опоры на которые невозможно научное познание. Более того, Наторп указал на логическое противоречие в аргументации оппонентов. Так, по их утверждению,

²⁷ Наторп П. Социальная педагогика. Теория воспитания воли на основе общности. Пер. А. А. Громбаха с 3-го доп. нем. издания. СПб.: О. Богданова, 1911.

²⁸ Там же. С. XI.

кантовский категорический императив, т. е. высший принцип нравственности — это всего лишь метафизический факт, находящийся вне причинности, поскольку он принят априорно, а не выведен эмпирически. Автор «Социальной педагогики» не пропустил этот удар и парировал оружием своих же противников. Неосознанно абсолютизируемая ими причинность сама является априорным методологическим принципом, поскольку принцип причинно-следственных отношений не может быть выведен ни логически, ни эмпирически²⁹, а только принят априорно.

Для полноты картины, какая сложилась в области философии и методологии науки к XX в., следует добавить несколько пояснений. Марбургская школа неокантианства, к которой принадлежал Наторп, равно как Баденская во Фрейбурге и Гейдельберге, оформилась к 1870-м гг. К этому времени благодаря открытиям в области физиологии зрения обнаружилась несостоятельность главной идеи позитивизма Огюста Конта (1798–1857) о том, что в научном познании следует опираться исключительно на опыт пяти чувств. Самое информативное и тонко настроенное из них — зрение. Но и оно несколько раз трансформирует световой сигнал, меняя природу его носителя через биохимическую к биоэлектрической и в завершение вообще к непостижимому информационному анализу, производимому зрительным центром головного мозга. При трижды опосредованном органами чувств восприятии окружающего мира попросту не приходится говорить о чувственном опыте как единственном источнике научного познания. На руинах *Первого* позитивизма О. Конта, Г. Спенсера, Дж. С. Милля тогда же в 1870-х гг. вырос *Второй позитивизм* — эмпириокритицизм Р. Авенариуса и Э. Маха, еще более сузивший задачу «положительной» науки до логического анализа и описания чувственного опыта. Эту задачу эмпириокритицизм по наследству передал *Третьему позитивизму* первой половины XX в. — логическому (он же неопозитивизм). Но в середине прошлого века уже *постпозитивистами* была признана нерешаемость подобной задачи, а объективация научного знания была перенесена на социум, в научное сообщество, в котором это знание возникает, живет, распространяется, трансформируется и передается дальше.

²⁹ Наторп П. Социальная педагогика... С. XI.

Что касается *Первого* позитивизма, основанного в 1840-х гг. О. Контом, то его теория науки абсорбировала в себя всех интеллектуалов, которые в противовес чрезвычайно влиятельной тогда идеалистической философии Г. Гегеля (1770–1831) сохранили интерес к природной реальности и естествознанию. В «Науке логики» Гегель, в частности, дерзал утверждать, что его диалектическая логика является «божественной мыслью до сотворения мира», он был уверен, что расшифровал «мысль Бога» лучше, чем ее понимает Сам Бог. «Критическая философия» гегельянцев в отличие даже от классической философии Канта методологически не совместима с новоевропейским естествознанием. Более того, для Гегеля диалектика представлялась главным инструментом «отрицательности», в котором он усматривал некое беспокойство, несущее энергию преобразования всего косного и затвердевшего. В противовес этому у естествоиспытателей и натурфилософов нарастал «положительный» интерес к природе, в связи с которым сложилась позитивистская философия. Т. е. позитивизм был осознанным отказом от метафизических теорий в естественных науках; опирался он лишь на знание, которое приносит практический опыт. Его основатель выстроил жесткую лестницу положительных наук по степени их верифицируемости на опыте: математика, астрономия, физика, химия, биология, социология.

С этим, собственно, никто и не спорил, более того, позитивизм был принят верующими учеными наравне с агностиками. В конце 40-х гг. XIX в. даже в трудах православного богослова свт. Игнатия (Брянчанинова) можно встретить настоящий гимн позитивизму, который, по его мнению, не только полностью соответствует религиозному мировоззрению, но также проводит радикальное разделение между сотворенным природным миром и Богом: «современная наука» отделяет «Творца от тварей бесконечным различием»³⁰. Бог познается религиозным опытом, а физический мир становится объектом изучения «положительных» наук: «Нам известно отчасти вещество, принадлежащее земле вещество в несравненно большем объеме, вне земли, за гранями ее атмосферы, остается для нас неизвестным. Мало этого: оно неприступно для нашего

³⁰ Игнатий (Брянчанинов), свт. Прибавление к «Слову о смерти» // Полное собрание сочинений. Т. 3. М., 2006. Выписка 23. С. 202.

исследования. Но вещество это существует, потому что всё в пространстве и все, ограничиваемое пространством, есть вещество. Таков закон, открытый положительною наукою, против которого могут быть возгласы невежества, против которого нет возражений»³¹. И даже в самом начале XX в. труды, публикуемые в «Богословском вестнике», печатном органе Московской духовной Академии, удостоивались высшей похвалы, если только отличались «строгим научным позитивизмом». Как заявлял один из редакторов этого академического журнала, позже вошедший в сонм новомучеников, прот. Александр Заозерский (1879–1922): «Богословская, или церковная наука должна опираться в своих построениях на положительные источники церковного предания»³².

Чтобы глубже осознать последствия провала позитивизма, уже сделавшегося явным к началу 1870-х, следует еще раз напомнить о том эмпирическом оптимизме, который мотивировал основателей новоевропейской науки в XVII в. Выше упоминалось³³, что в изучении природы одним из главных мотивов ученых тогда был отказ от аристотелианской постановки вопроса о цели, к которой устремлены все природные процессы. Великие создатели современной науки сконцентрировали свой исследовательский интерес исключительно на поисках ответов «почему», обращаясь в прошлое к опыту и первопричинам, а не «для чего», обращаясь в будущее к целям. Когда же стало очевидным, что непосредственный опыт пяти чувств не способен принести объективного знания, образовалось как минимум три линии философской теории науки. Первая в целом продолжила апостериорную позитивистскую традицию: эмпириокритицисты, неопозитивисты, постпозитивисты. Вторая вернулась к априорной природе знания по И. Канту, это неокантианцы и их последователи. В этой школе вопрос о цели, особенно если он ставится в рамках социологии, отнюдь не является бессмысленным, напротив, вполне соответствующим предмету и задачам научного исследования. Третья же линия тянется от Г. Гегеля, это младогегельянцы, марксисты,

³¹ Игнатий (Брянчанинов), свт. Прибавление к «Слову о смерти». С. 214.

³² Заозерский Н. Предание Церкви и предания школы. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры. С. IV.

³³ См. выше: «1. К вопросу о научных методах пасторологии» этой статьи.

неомарксисты, поставившие «обратно на ноги»³⁴ с их точки зрения перевернутую философию великого учителя. Гегелевский «абсолютный дух» они попросту заменили «материей» Фейербаха, отнеся к ней метафизические предикаты и овеществив все, что относится к познанию. При подобном подходе сам опыт приобретает качество материалистической априорности и рациональной панлогичности, а процесс познания становится заведомым созданием желаемых конструкторов.

Неокантианскую теорию и методологию науки в конце XIX — начале XX вв. развивал также и Пауль Наторп. Его труд «Социальная педагогика. Теория воспитания воли на основе общности» в самом названии содержит неприемлемый для позитивизма предмет науки, каким является волевое начало. Именно эта новая научно-методологическая нормативность была с оптимизмом воспринята русской пасторологией в лице иеромонаха Вениамина (Федченкова). В его определении пастырского богословия как «пастырской педагогики»³⁵ достаточно прозрачно просматривается прямая отсылка к труду Наторпа. Замена «социальной» педагогики на «пастырскую» здесь вполне адекватна, поскольку конкретизирует одно из возможных направлений *Sozialpädagogik*. В главе, посвященной методологическому обоснованию пастырства как предмета пасторологии, свое «оправдание пастырства» автор называет «практически-дисциплинарным» и «бытовым»³⁶, хотя, по сути, его подход является системно-функциональным социологическим подходом, поскольку речь у него идет о пастырстве как об институте, необходимом в жизни человечества.

Так в самом начале XX в., благодаря смене методологических парадигм для гуманитарных наук, вернее, благодаря появлению между гуманитарными и точными науками еще *социологических*³⁷, православная пасторология обрела новые социопедагогические основания. В качестве

³⁴ Маркс К. Предисловие ко второму изданию // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. Т. 23. М., 1960. С. 22.

³⁵ Вениамин (Федченков), митр. Лекции по пастырскому богословию с аскетикой. М., 2006. С. 54–55.

³⁶ Там же. С. 33.

³⁷ См. Stingl A. Between Discursivity and Sensus Communis: Kant, Kantianism and the Social Media Theory of Talcott Parsons. Inaugural-Dissertation, Friedrich-Alexander-Universität Erlangen: OPUS Erlangen-Nürnberg University Press, 2008.

предмета изучения были осознанны социальные условия пастырства и прежде всего институализированная страта духовенства. При этом на правах метода выступило индуктивное обобщение образцов пастырского настроя и поведения для последующей дедуктивной конкретизации их в соответствии с частными потребностями. Это обретение пасторологией собственных системных оснований произошло в рамках развития неокантианской теории науки, противостоявшей как позитивизму, так и марксистскому учению.

4. РАЗВИТИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ ПАСТОРОЛОГИЧЕСКИХ СИСТЕМ В XX В.

После «Лекций по пастырскому богословию с аскетикой» иером. Вениамина (Федченкова), прочитанных в Санкт-Петербургской духовной академии в 1910–1911 г., следующий курс пасторологии, получивший известность благодаря своевременной публикации (по крайней мере, за пределами СССР), принадлежит протопресв. Георгию Шавельскому. Курс был прочитан в 1927–1928 гг. в Софийском государственном университете³⁸. Вопрос о научном статусе пасторологии автор ставит все еще в традициях XIX в., в точности следуя иером. Иннокентию (Пустынскому)³⁹. Судя по всему, ему еще было ничего не известно о неокантианском сдвиге методологических парадигм в гуманитарных науках в сторону социально-педагогического понимания предмета и методологии. Сам автор предупредил читателей о «беженских условиях» и «отсутствии нужных книг», которые он испытывал, когда работал над курсом⁴⁰.

Спустя еще полтора десятка лет в 1946–1949 гг. во вновь возрожденной после войны Московской духовной академии лекции по пастырскому богословию читал иеромонах Вениамин (Милов)^{41 42}. Из приведенной им

³⁸ Шавельский Г. И., протопресв. Православное пастырство. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 1996. С. 3.

³⁹ Иннокентий (Пустынский), иером. Пастырское богословие в России за XIX в.

⁴⁰ Шавельский Г. И., протопресв. Православное пастырство. С. 6.

⁴¹ Вениамин (Милов), еп. Основы пастырства как богоустановленного института // Пастырское богословие с аскетикой. М. 2002. С. 15–22.

⁴² С февраля 1955 г. епископ Саратовский и Балашовский; скончался 2 августа того же года.

скрытой цитаты «Лекций...» митр. Вениамина (Федченкова) становится понятно, что проблему предмета и метода науки о пастырстве, поднимаемую предшественниками, он склонен решать так же, как и цитируемый им автор, т. е. в социально-педагогическом ключе. Во всяком случае, о предмете пасторологии он не боится говорить как о социальном измерении пастырства: «сама общественная жизнь, в силу простого разделения труда, выделила из себя специальный класс руководителей религиозной общественной жизни. Самый факт существования названного класса людей дает ему право быть специальным предметом науки»⁴³.

Итак, предметом пасторологии у будущего епископа Вениамина (Милова) становится пастырь в социальном контексте его деятельности: «в силу данных истории, психологии, мистики, догматики, экзегетики»⁴⁴. В этом перечислении не хватает, правда, самой социологии, на которую в свое время в 1900-х гг., безусловно, опирался митр. Вениамин (Федченков). Но надо отдавать себе отчет, что на дворе — конец 1940-х гг., когда в СССР помимо официальной марксистско-ленинской социологии всякая другая была объявлена буржуазной лженаукой, упоминание которой допускалось лишь в порядке критики с позиций коммунистической «партийности». Тем более что в Академию в 1946 г. он пришел, непосредственно освободившись из мест заключения, куда попал по обвинению в «антисоветской агитации», а уже в феврале 1949 г. был снова арестован и отправлен в пятилетнюю ссылку. Заметно, что иером. Вениамин (Миров) иногда ловит себя на социологическом перекосе трактовки предмета своей науки и тогда выравнивает его в сторону нравственности и аскетики: «Самосознание, самочувствие и переживания пастырей вытекают не из одной <только> практической деятельности или из внешнего служения, а из внутренней устроенности или пастырского аскетизма». Вслед за своим предшественником митр. Вениамином (Федченковым) иером. Вениамин (Миров) также готов пасторологическую науку сближать с педагогикой: «из общей духовной педагогики она заимствует специально пастырские переживания»⁴⁵.

⁴³ Вениамин (Миров), еп. Основы пастырства как богоустановленного института // Пастырское богословие с аскетикой. М. 2002. С. 16.

⁴⁴ Там же. С. 20.

⁴⁵ Там же. С. 21.

Изданный в 1957 г. пасторологический курс архим. Киприана (Керна)⁴⁶ для науки о пастырстве явился по-настоящему эпохальным событием. Его «Православное пастырское служение» — это плод деятельности в качестве профессора пастырского богословия Свято-Сергиевского богословского института в Париже, начиная с 1945 г. Он оказал влияние на всех последующих православных пасторологов. Среди указанных архим. Киприаном предшественников последним назван протопресв. Георгий Шавельский, автор курса, опубликованного в 1930 г.⁴⁷ Почему-то не упомянут митр. Вениамин (Федченков), курс по пасторологии которого был опубликован еще в далеком 1911 г., и который был предшественником по кафедре архим. Киприана в Париже в 1925–1926 и в 1929–1930 гг. Что касается курса еп. Вениамина (Милова)⁴⁸, то архим. Киприан едва ли знал о его существовании, поскольку его труд в виде машинописи был доступен с конца 40-х гг. лишь для внутреннего использования в МДА.

Неоспоримым достоинством пасторологической системы архим. Киприана (Керна) по сравнению с предшественниками, безусловно, является то, что в центр предмета своей науки он ставит «пастырское настроение», а в его центр, в свою очередь, поставил Евхаристию. «Священник — теург, прежде всего. Священство есть по преимуществу литургия, Евхаристия, мистическое единство со Христом в таинстве Тела и Крови. Единство и самого пастыря, и его пасомых»⁴⁹.

Независимо от того, был ли знаком архим. Киприан с трудом митр. Вениамина, к середине XX в. социология, в том числе благодаря неокантианцам, неудержимо стремилась занять свое почетное место ровно по середине между точными и гуманитарными дисциплинами⁵⁰. Предмет

⁴⁶ Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение: Из курса лекций по пастырскому богословию. Париж, 1957.

⁴⁷ Шавельский Г. И., протопресв. Православное пастырство.

⁴⁸ Вениамин (Миров), еп. Пастырское богословие с аскетикой.

⁴⁹ Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение... С. 17.

⁵⁰ Stingl A. Between Discursivity and Sensus Communis: Kant, Kantianism and the Social Media Theory of Talcott Parsons...

пасторологии, как его определяет архим. Киприан, вполне соответствует социологическим парадигмам — он говорит о «среде», или «стихии», в которой пастырь производит свой труд: «Пастырствование само по себе предполагает известную среду. Пастырствовать в пустыне или затворе нельзя. Уединенное житие есть особая форма служения Богу, но в нем исключена та стихия, в которой протекает работа пастыря. Пастырь действует в миру и в обществе людей»⁵¹.

Последующие курсы лекций по пасторологии, в особенности если они были прочитаны в академических аудиториях, в основном скомпилированы из работ предшественников, как, например, труд архим. Тихона (Агрикова; впоследствии схиархим. Пантелеимон) (1960-е)⁵², и схиархим. Иоанна (Маслова) (1970-е)⁵³. Среди пасторалогических трудов имеются также написанные в жанре живых литературных очерков, что делает их по-своему оригинальными. Это публицистика архим. Константина (Зайцева) (1961)⁵⁴; прот. Льва Лебедева (1997)⁵⁵; прот. Николая и иером. Иоанна (2010) Ведерниковых⁵⁶. Некоторые из пасторалогических руководств имеют тематическую специфику, в частности: эстетическую — у прот. Алексея Остапова (1968)⁵⁷; церковно-каноническую — переводной труд архим. Георгия (Капсанидиса) (1976; 2006)⁵⁸; духовническую — у митр. Антония (Блума) (1987)⁵⁹.

⁵¹ Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение... С. 5.

⁵² Пантелеимон (Агриков), схиархим. Пастырское богословие. Загорск, 1967.

⁵³ Иоанн (Маслов), схиархим. Лекции по пастырскому богословию. М., 2001.

⁵⁴ Константин (Зайцев), архим. Пастырское богословие: курс лекций, читаемый в Свято-Троицкой духовной семинарии. М., 2002.

⁵⁵ Лебедев Л., прот. Заметки по пастырскому богословию. Сан-Франциско, 1999.

⁵⁶ Ведерников Н., прот., Ведерников И., иером. Быть священником вчера и сегодня. М., 2010.

⁵⁷ Остапов А., прот. Пастырская эстетика. М., 2012.

⁵⁸ Георгий (Капсанидис), архим. Пастырское служение по священным канонам. М., 2006. 299 с.

⁵⁹ Антоний (Блум), митр. Духовность и духовничество // О встрече / изд. 2-е, испр. и дополн. Клин, 2004. С. 238–248.

На примере учебника по пастырскому богословию архим. Тихона (Агрикова)⁶⁰ можно сделать общий вывод о характере пасторологической системы, сложившейся в русской богословской науке в самом начале XX в. под влиянием неокантианских методологических норм. В этом добротном академическом курсе есть предмет науки, отвечающий ее социологической соразмерности, — это «сам пастырь». Есть и его «оправдание» по «данным истории, психологии, мистики, догматики, экзегетики» (здесь не раскрытая отсылка к труду еп. Вениамина (Милова))⁶¹. Есть здесь и осознанная методология: так, под несколько неуклюжим подзаголовком «Направленность и действенность науки пастырского богословия» автор раскрывает суть социально-педагогической методологии, применяемой в его пасторологическом курсе. Прежде всего, это воспитание церковности, выраженной в осознании соборности и апостольности Церкви. Это также отношение к апостольскому преданию как высочайшей ценности, это воспитание духа ревности и жертвенности в служении Церкви. Это познание Бога через приобретение собственного молитвенного опыта, стремление к единению с Ним. Пасторологическая методология в авторском анализе возвышается даже до неожиданного в академических текстах мистического дерзновения. Автор убежден, что пастырская наука «должна потрясать сердца студентов своей внутренней силой и правдой содержания. Подобно таинству, пастырское богословие своей внутренней красотой и жизненностью обязано захватить слушающих, обогатить их ум, преобразить сердце и закалить волю на всякую жертву во имя Бога и спасения ближних»⁶².

В этом пасторологическом труде налицо все блоки, традиционные для академического учебника по пастырскому богословию. Не хватает лишь одного — сопряжения всех этих конструктивных деталей в единую функционально взаимосвязанную систему. Поясним, что неокантианская теория и методология науки не остановилась на социальной педагогике П. Наторпа. К середине XX в. развитие ее линии привело к структурно-функциональному и далее к системно-функциональному анализу.

⁶⁰ Пантелеимон (Агриков), схиархим. Пастырское богословие.

⁶¹ Вениамин (Миров), еп. Пастырское богословие с аскетикой.

⁶² Пантелеимон (Агриков), схиархим. Пастырское богословие. С. 45.

5. МАКРОСОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ДЛЯ ПАСТОРОЛОГИИ

Системно-функциональный анализ был разработан в 30-х — 50-х гг. американским социологом Толкоттом Парсонсом, перенявшим в 1946 г. пост декана социологического факультета Гарвардского университета у его основателя Питирима Сорокина. С 1925 по 1927 гг. Парсонс изучал философию в германском Гейдельберге, где эту кафедру в то время возглавлял один из основателей баденской школы неокантианства Генрих Риккерт (1863–1936). «Критику чистого разума» И. Канта Парсонс изучал под руководством одного из представителей экзистенциализма Карла Ясперса^{63 64 65 66}, а в докторской диссертации, посвященной концепции капитализма в новейшей тогда немецкой литературе, симпатизировал попыткам Макса Вебера найти баланс между историзмом, идеализмом и неокантианством.

В ядро его системно-функционального анализа была заложена четырехфункциональная парадигма, разработанная им на основе волюнтаристской теории действия, заведомо не совместимой ни с позитивизмом, ни с марксизмом. Тем не менее его аналитический инструментарий в 60-х — 70-х гг. XX в. был триумфально принят социологами и стал квазинормой в последующих исследованиях для анализа самовоспроизводящихся сообществ⁶⁷. В частности, структуралист Луи Альтюссер и критик позднего капитализма Юрген Хабермас успешно воспользовались его системным функционализмом.

Социологические исследования Парсонса, несомненно, связаны с религиозными корнями. Сын протестантского пастора, от молодых ногтей он был вовлечен в обыденную жизнь своей приходской общины.

⁶³ Stingl A. Between Discursivity and Sensus Communis: Kant, Kantianism and the Social Media Theory of Talcott Parsons...

⁶⁴ Парсонс Т. О структуре социального действия. М., 2000.

⁶⁵ Парсонс Т. Социальная система. М., 2018.

⁶⁶ Парсонс Т. Система современных обществ. Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. М., 1997.

⁶⁷ Parsons T. "Sociological Reflections on the United States in Relation to the European War" [1941] in Gerhardt U. (ed.). Talcott Parsons on National Socialism. New York: Aldine de Gruyter, 1993.

Можно с уверенностью предположить, что его первые наблюдения над тем, как происходит самоорганизация человеческих сообществ, происходят именно оттуда. Конгрегационалисты, к которым принадлежал его отец, всегда жестко придерживались принципов автономии (independence) каждой местной общины (конгрегации). Конгрегациональная церковь (Congregational church) появилась около 1580 г. как радикальная ветвь английского кальвинизма в результате раскола с пресвитерианами. Ее вождем в свое время был один из основных деятелей английской гражданской войны 1639–1660 гг. Оливер Кромвель.

Более того, слабые, наиболее часто критикуемые, места системно-функционального метода Парсонса генетически проистекают из радикального протестантизма. В частности, протестантская недооценка глубины и серьезности первородного греха сказалась на идеализации Парсонсом мотивов действий человека, подогнанного под его «систему личности». Реальные же наблюдения, показывают, что в любом социуме человек без принуждения следует нормам, заданным для него более высокими системными структурами, лишь до тех пор, пока в его поведении не появляются девиантные отклонения. Об этом же свидетельствует православное учение о греховных страстях, имеющих свою логику развития, но лишенных ясной закономерности мотивов. Речь идет о непредсказуемости «прилогов» — побуждений, приводящих к отклонению от заданной нормы. Это основная тема патристической аскетики, отвергаемой протестантами, особенно столь радикальными, как конгрегационалисты.

Уязвима для критики также бинарная схематизация условий действия, последовательно проводимая структурным функционализмом Парсонса. При таком его подходе неизбежно происходит выпадение амбивалентных и гибридных форм действия из системных рамок предложенной им парадигмы, что недопустимо для строго научного анализа. За подобным упрощением явно просвечивает редуцированное протестантизмом учение о свободе и ее ограничении предопределением.

Важно, что Парсонс ясно сознавал религиозные истоки сплоченности американского общества, сформировавшегося из англо-саксонских поселенцев еще в колониальной Америке в начале XVII в. В том числе появление убеждения в американской исключительности (American exceptionalism) он объяснял влиянием радикального кальвинизма

и пуританским духом. Именно эти социальные ценности в протестантском обществе заместили ту интегрирующую функцию, какую в христианских сообществах, не затронутых Реформацией, выполняют церковные таинства, прежде всего Евхаристия. К чести Парсонса следует заметить, что он связывал американский экцепционализм с Реформацией лишь исторически, не усматривая в нем провиденческой составляющей⁶⁸.

Системно-функциональный метод Парсонса не связан ни с позитивизмом, ни с материализмом, ни тем более с атеизмом. Он разработан в неокантианских традициях специально для описания человеческих сообществ, способных воспроизводить себя. При этом не важно, идет ли речь исключительно о человеческом, или о богочеловеческом сообществе. Важно, что этот макросоциологический метод стопроцентно совместим с христианской экклезиологией, которая вслед за ап. Павлом трактует Церковь как Тело Христово (1 Кор 12:27–30), как богочеловеческий организм, Главой которого является Иисус Христос, а членами становятся люди. Социологический инструментарий, разработанный Парсонсом, без малейших потерь богооткровенной глубины позволяет рассматривать Церковь как самовоспроизводящуюся и самоподдерживающуюся динамическую систему. Используемый аналитический инструментарий при этом полностью остается в рамках макросоциологической теории действия.

6. ЧЕТЫРЕ ФУНКЦИИ САМОВОСПРОИЗВОДЯЩЕГОСЯ ЦЕРКОВНОГО ОРГАНИЗМА

Данная системно-функциональная модель динамики внутрицерковной жизни предназначена именно для пасторологических задач. Конечная цель — воспитание церковных пастырей. При этом потребуется определенный уровень развития вероучительных концептов, прежде

⁶⁸ Parsons T., “Sociological Reflections on the United States in Relation to the European War” [1941] in Uta Gerhardt, ed. Talcott Parsons on National Socialism (New York: Aldine de Gruyter, 1993). Что касается русского «экцепционализма» — «русской идеи», то, попутно отметим, что как в XIX и в XX вв., так и в наше время русская идея сводится к своей главной ценности — справедливости, избавляющей ее от претензий этического плана, связанных с идеей исключительности. См.: Дронов М., прот. И снова о русской душе // Геополитика.ru. 22.04.2016. [<https://www.geopolitica.ru/article/i-snova-o-russkoy-dushe>, доступ от 7.11.2023].

всего евхаристической эkkлeзиологии, выводящей Евхаристию из схоластической рядоположенности семи таинств и придающей ей статус краеугольного основания Церкви: «...Церковь Господа и Бога, которую Он приобрел Себе Кровию Своею» (Деян. 20:28). Нельзя игнорировать также характер ментальности современного православного христианина. Здесь не обойтись без таких наук о человеке и его духовно-интеллектуальной деятельности, как социология, психология, культурология, с учетом того, что за последние 5–7 десятилетий эти науки сделали заметный рывок в своем развитии. Собственно, смена менталитета в наше время происходит чуть ли не каждое десятилетие.

Гармонизовать весь этот неустойчивый, пребывающий в постоянном движении конгломерат задач и проблем призваны четыре системные функции Парсонса. Они завязаны в общий иерархический и одновременно кибернетический каскад управления системой, направленного на ее самоподдержание и самовоспроизведение.

1. Любая система взаимодействует с внешней средой. В категориях системно-функционального анализа речь идет о базовой функции — **адаптации** системы к окружающей среде. В нашем случае нет даже необходимости конкретизировать, как образовывалась система христианской Церкви на первых этапах: как проповедь Основателя христианства собрала первых учеников, что с ними произошло после Тайной Вечери, распятия, Воскресения, сошествия Св. Духа. Когда сообщество уже объединено общим мировоззрением, оно обретает возможность воздействовать на внешнюю среду метафизических воззрений, распространяя в ней свой идеал. Сообщество разрастается за счет внешней среды, постепенно «частями» впитывая ее в себя. В случае с христианством первым сообществом были двенадцать апостолов. Внутри системы — благодать Св. Духа и исходящая от нее Благая Весть. За ее пределами — ветхозаветное мироощущение, то погруженное в безысходность, то озаренное проблесками надежды. После дня Пятидесятницы апостолы по благодати Св. Духа стали принимать в свое сообщество людей тысячами из «окружающей среды».

Пасторологическая задача на этой функциональной стадии заключается в формировании у будущих пастырей вкуса к миссионерству. В первую очередь миссионер должен быть сам наполненным Благой

Вестью, которой он жаждал бы поделиться с теми, кто еще вне Церкви. Для миссионера важно понимать, чем дышит внешняя среда, какой образ мысли в ней доминирует. В итоге среда метафизического опыта, окружающая Церковь, сводится к меню из трех позиций: религиозной, пантеистической и атеистической. *Религиозная* позиция — мир создан и управляется Богом; *пантеистическая* — весь мир в совокупности является вселенским разумным началом; *атеистическая* — мир появился случайно, им управляет исключительно слепой случай.

Если сконцентрироваться именно на тех, кто сегодня находится за церковной оградой, то целесообразно вернуться к последним десятилетиям XIX в., когда на руинах *Первого* классического позитивизма образовалось сразу три типа рациональности: линия продолжателей позитивизма, сегодня представленная постпозитивистами; марксистская линия, сегодня уже почти незаметная; и неокантианская линия, у нас практически неизвестная. Важно разобраться в особенностях каждого из этих типов рациональности и отдать себе отчет в том, что в лучшем случае придется иметь дело с позитивизмом, причем с его далеко не с самыми актуальными изводами. Но по большей части внешняя мировоззренческая среда представляет собой причудливую смесь мифологического восприятия жизни с обрывками философских и религиозных доктрин, в которой абсолютно несовместимые утверждения мирно соседствуют, поскольку противоречия между ними вообще мало кого интересуют.

2. Вторая функция — установление системных целей, **целеполагание**. Именно в нем выражается и воплощается убеждение, воспринятое системой. Предельно обобщая, можно назвать два типа экзистенциального выбора цели жизни: *нуминозное* (от лат. *numen* — божество, воля богов⁶⁹) и *атеистическое*. Атеистическое целеполагание одномерно и утилитарно: цель своего существования определяю исключительно я сам по своему разумению. Что касается нуминозных мотивов целеполагания, то их, в свою очередь, можно подразделить на *пантеистический* и *религиозный*. Под последним понимается прежде всего опыт монотеистических религий, хотя к религиозному опыту иногда относят также персонализацию объектов поклонения в различных формах политеизма.

⁶⁹ Отто Р. Священное... С. 11–14.

Пантеистический опыт в общих чертах ведет к следующему целеполаганию: цель моего существования — в некоем высшем слиянии с Абсолютом, возможно, разумным, но недоступным для личностного контакта с ним.

Экзистенциальный опыт адептов монотеистических религий (христианство, иудаизм, ислам) следует разделить еще на два основных типа. В соответствии с одним из них цель своих отношений с Богом человек определяет как получение Его даров для своего блага и благополучия близких. В соответствии с другим — единственный смысл и цель своей жизни человек видит в Самом Боге, а высшую награду для себя — в личностном общении с Ним и бескорыстном служении Ему. Понятно, какой выбор цели должны сделать христиане, осознанно относящиеся к своей вере. Это выбор Самого Бога, красоты Его Личности, общения с Ним лицом к лицу.

Пасторологическая задача на функциональном уровне целеполагания заключается в осмыслении будущим пастырем понимания смысла собственной жизни. Понятно, что это обязательно предполагает знакомство хотя бы с наиболее влиятельными сегодня идеями на этот счет. В частности, можно отослать к персонализму в философии, психологии, социологии, этике (рубеж XIX и XX). Но наиболее полно смысл христианства и его религиозная цель сегодня формулируется на основе патристической триадологии В. Н. Лосского и выведенной из нее антропологии⁷⁰. Понятие личности в триадологии Лосского, оставаясь уравновешенным с понятием природы, способствовало заострению опыта личностного богообщения. Получив распространение среди православных богословов, труды Лосского, в свою очередь, отозвались в лучших образцах проповедничества ясным формулированием цели и смысла жизни: стремление к личностному молитвенному общению с Богом-Личностью как к главной ценности бытия.

Пасторологический подход к опыту общения личности человека с Ипостасями Бога Троицы присутствует также у архим. Киприана

⁷⁰ Dronov M., “Die Person und die interpersonale Beziehung in der Theologie der östlichen Kirche des 20. Jahrhunderts. Quellen und Entwicklungstendenzen,” in *Phänomenologie der Religion. Zugänge und Grundfragen*, hrsg. von Markus Enders, Holger Zaborowski (München: Alber, 2004), 353–365.

(Керна): «Христианство обосновало божественное происхождение личности. Тринитарные споры дали богословский фундамент для человеческого лица, осознав Лицо, Ипостась в Божестве. Греческий язык в творениях своих высших философских умов — Платона и Плотина — удовлетворялся местоимением *ἕκαστος* “каждый”, характеризуя его членом: *ὁ ἕκαστος*, т. е. таким образом придавая ему строгую индивидуальность. Но все же это оставалось только местоимением, чем-то, что “вместо имени”. Только богословие понятия “ипостась” как самостоятельного “бытия в себе”, было способно заполнить в языке ту пустоту, которая в современном словаре занимается словом “личность”. Это не только “индивид” как “часть вида”, как “порождение биологического родового процесса”, как что-то смертное, как “номер” натуралистического ряда: не цельное, вполне повторяемое. Личность есть отпечаток божественного Лица, творение Божие, а вовсе не порождение рода. Личность духовна и принадлежит духовному миру прежде всего. Это высшая ценность духовного бытия»⁷¹.

Персоналистский акцент в учении о Пресв. Троице В. Н. Лосского был сделан весьма своевременно. Благодаря этому появилось действенное противоядие от широкого распространения пантеистических настроений в интеллектуальной среде в XX в., в которых деперсонифицируется метафизический источник бытия.

Если обе вышеназванные функции — адаптация к окружающей среде и целеполагание — направлены вовне социальной системы, то последующие две функции направлены уже вовнутрь — на поддержание жизнеспособности самого этого сообщества.

3. Третья системная функция — **интеграция** — направлена на осуществление поставленной перед сообществом общей для всех цели. Ее осуществление требует внутренней согласованности действий всех акторов этого социума. Когда речь идет о Православной Церкви, системообразующую функцию выполняет **евхаристическое общение**. Это оно объединяет всех членов Церкви с ее Главой Христом и между собой: «да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, *так* и они да будут в Нас едино» (Ин. 17:21). Не случайно православная экклезиология в своей

⁷¹ Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение... С. 22.

основе евхаристическая, ею заранее определен инструмент единения — *анамнесис*, литургическое воспоминание Тайной Вечери (Лк. 22:19, 1 Кор. 11:24–25). Два названия этого церковного *воспоминания* — Евхаристия (ἐϋχαριστία, благодарение) и литургия (λειτουργία, общественное действо) представляют два аспекта единения: благодарение — это единение людей с Богом; общественное действие — единение членов евхаристического собрания между собой в единую Церковь, таинственно являющуюся Телом Христовым (Еф. 1:22–23; 4:15–16).

Со времен апостолов именно евхаристическое общение в христианской Церкви сделалось системообразующим стержнем. Причащение евхаристических Даров стало главным выражением принадлежности к Церкви для тех, кто принят в нее через Крещение. И наоборот, отлучение от Церкви также связано с Причастием, выражается в отлучении от него. Легкомысленное пренебрежение Причастием также влечет за собой самоотлучение от Церкви. Это, в частности, зафиксировано в 80-м правиле VI Вселенского Собора (680–681).

В соответствии с функцией евхаристической интеграции членов Церкви, выдвигается и привязанная к ней пасторологическая задача — осознание значимости евхаристического опыта. Духовное образование будущих священнослужителей должно быть сконцентрировано именно на пробуждении в них собственного их евхаристического опыта. Определенную пользу здесь может принести знакомство с литературой по литургическому богословию, в частности, труды авторов середины XX в.: прот. Николая Афанасьева, Павла Евдокимова, протопресв. Александра Шмемана и их последователей, ознаменовавших литургическое возрождение в Православии. Хотя отчет этому литургическому возрождению, вновь вернувшему Причастию его основополагающую значимость, можно вести от прав. Иоанна Кронштадтского († 1908), ежедневно совершавшего Евхаристию⁷².

Мысли о значении Евхаристии, высказанные в пасторологическом ключе архим. Киприаном (Керном), удивляют точным попаданием в самую сердцевину рассматриваемой нами системно-функциональной мо-

⁷² Максимов Г., свящ. Правда о практике частого причащения // Православие.ру. 22.05.2008. [<https://pravoslavie.ru/5784.html>, доступ от 7.11.2023].

дели. Отношение к Евхаристии этого пасторолога — это готовое наполнение смыслами и нарративом ее третьей функции, интеграции. Пастырь должен «...считать своим главным делом “строительство Таин” и служение Божественной литургии, для мистического причащения и себя, и пасомых Телу Христову ради их обожения и приобщения Божескому естеству, по слову ап. Петра (2 Пет. 1:4)». Свою категоричность он объясняет простыми доводами: «нравственно воздействовать на ближних может и не священник, сострадать может и мать, и воспитатель, усвоить чужую личность может также и близкий друг, но служение Евхаристии дано только священнику. Божественная литургия есть самое мощное средство пастырского служения»⁷³.

Архим. Киприан настаивает: «Священство есть по преимуществу литургия, Евхаристия, мистическое единство со Христом в таинстве Тела и Крови. Единство и самого пастыря, и его пасомых. Духовная жизнь иерея должна протекать, прежде всего, и главное всего в этом евхаристическом освящении жизни, себя и людей. Евхаристичность Церкви должна больше всего охватывать священника»⁷⁴. «Но что значит это евхаристическое настроение и это постоянное желание служить св. литургию? Ответим ясно и определенно: ненасытимая жажда самому совершать возможно чаще литургию»⁷⁵. И далее развивает свою мысль: «У священника должна быть эта ненасытная жажда совершения Евхаристии, которая, конечно, нисколько не умаляет его жажды быть причащенным и от руки иного (почему именно старшего и сановного?) собрата. Но мистическое чувство, непонятное мирянам, самому приносить Жертву и самому претворять силой Св. Духа евхаристические Дары в Тело и Кровь, совсем отлично от чувства и переживания причащения за литургией, совершаемой другим. Можно измерять силу евхаристичности данного священника именно по этому его жажданию служить самому. Наиболее духовные пастыри всегда ощущали эту радость теургического служения и молитвы»⁷⁶.

⁷³ Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение... С. 49.

⁷⁴ Там же. С. 46.

⁷⁵ Там же. С. 47.

⁷⁶ Там же. С. 48.

4. Четвертая функция, венчающая системно-функциональную парадигму, отвечает за сохранение и **воспроизведение** образцов системного поведения, связанных с предыдущими тремя функциями. В нашем случае речь идет о церковном сообществе: его миссионерском взаимоотношении с теми, кто за оградой Церкви; его цели служения Богу, объединяющей всех членов Церкви; достижении этой цели в Евхаристии, заповедь о совершении которой апостолы получили непосредственно от Учителя. При этом забота апостолов о единении с Христом всех, кто уверовал в Него, о единении через евхаристическое хлебопреломление автоматически вылилась в заботу о том, чтобы в каждой городской христианской общине имелся ее глава — епископ (от греч. ἐπίσκοπος — смотреть, наблюдать). Уже преемники апостолов рукополагали новых епископов на освободившиеся и вновь открывавшиеся кафедры совсем не так как сами апостолы: в хиротонии участвовали епископы соседних областей — минимум трое⁷⁷. Благодаря подобному образцу воспроизведения епископата был четко обозначен источник епископской власти и, одновременно, установлено, перед кем епископ несет ответственность в случае нарушения своих обязанностей.

Епископат перенял ответственность также и за чистоту апостольской веры, поскольку на епископов была возложена обязанность контролировать правильность веры паствы и веры друг друга. Если епископ был обвинен в ереси, то его собратья епископы должны были немедленно прекратить с ним евхаристическое общение. Затем после рассмотрения ситуации «епископами области, и окрестными митрополитами, православно мудрствующими», выносилось окончательное решение вопроса⁷⁸. Понятно, что этому должно предшествовать обнаружение ереси, доктринальных положений, не совместимых с апостольским вероучением, привнесенных епископом-ересиархом в церковную веру, как правило, из чуждых христианству философий и мистических практик. Обнаружить их по факту способно лишь ближайшее окружение епископа, его непосредственная паства. Ей и было поручено Церковью такое задание. Вот как об обязанности паствы контролировать веру иерархии говорится

⁷⁷ I Вселенский Собор, правило 4.

⁷⁸ III Вселенский Собор, правило 1.

в правилах II Вселенского Собора: «Если же некоторые... говорят, что имеют какое-либо обвинение на епископа по церковному делу, то святой Собор повелевает им прежде всего представлять обвинения перед всеми епископами митрополичьей области и перед ними доказывать свои жалобы на епископа, обвиняемого в чем-либо»⁷⁹.

Так церковный «механизм» охранения веры, заложенный апостолами, получил вертикальную и горизонтальную составляющую. Его вертикаль: епископы учат паству, паства, в свою очередь, обязана контролировать, насколько учительство епископа соответствует духу Благой Вести Христа. Горизонталь: епископы обязаны контролировать веру друг друга. Логика развития «горизонтالي» привела к тому, что после VI Вселенского Собора⁸⁰ из пяти патриархатов (Рим, Константинополь, Александрия, Антиохия, Иерусалим) сложилась пентархия как механизм горизонтального вероучительного контроля. В 1054 г. из пентархии выпала Римская Церковь, в результате чего в ней автоматически был утрачен горизонтальный «механизм» вероучительной защиты. Это привело католицизм к целому ряду новых догматов, неприемлемых с позиций Древней неразделенной Церкви. В частности, доктрина о непогрешимости Римского папы в вероучении, неведомая апостолам, которая остается главным препятствием уврачевания великой схизмы.

В наши дни разворачивается драма аналогичного раскола, в который на этот раз уклоняется Константинополь. Это означает поиск Церковью новой «пентархии» во взаимоотношениях Поместных Церквей, основанной на подлинной апостольской традиции и на православной канонике.

Пасторологическая задача в связи с функцией поддержания жизнеспособности Церкви выливается в твердое усвоение каждым священником православной экклезиологии. Священнослужитель должен быть готовым объяснить пастве, почему Церковь единая и как в земном мире Бог Троица являет Церковь в таинстве Евхаристии. Какое место в Церкви отведено таинствам и богослужению, догматическому учению и иерархии. Почему каждый член приходской общины принадлежит также своей епархии, своей Поместной Церкви, является членом Вселенской Церкви,

⁷⁹ II Вселенский Собор, правило 6.

⁸⁰ VI Вселенский Собор, правило 36.

членом мистического Тела Христова. Паства должна четко понимать, что епископ, поминовение которого постоянно совершается на богослужениях, — прямой глава их прихода. Что принадлежность к Церкви Христовой прихожане реализуют через своего епископа. Почему вне Церкви нет спасения.

Следует отметить, эта четвертая функция, отвечающая за поддержание образцов поведения, в системном каскаде располагается на самом верху. Это от нее по нисходящему каскаду управляется вся система, в то время как ресурсное питание осуществляется снизу вверх из окружающей среды. Современная система высшего духовного образования выстроена от самых общих дисциплин к специальным, т. е. с точки зрения системно-функциональной модели — снизу вверх. Между тем возможна и другая логика. Если пасторологию структурировать вокруг системно-функциональной модели как вокруг ее методологического стержня, то она может послужить центральным стволом, от которого ветвятся все остальные дисциплины духовного образования.

7. «СИСТЕМНЫЕ СБОИ» В ЦЕРКВИ

Обращаясь к системно-функциональному анализу, важно понимать, что в пасторологической модели четырехфункциональная схема не способна предсказывать появление конкретных системных сбоев. Но основанный на ней аналитический инструментарий, используемый в пасторологии, от этого не обесценивается. Пастырское богословие заведомо опирается на фундамент догматического учения о явлении зла в мире, на традиционную амартологию и святоотеческую аскетику. В христианском понимании непредсказуемые системные сбои предшествуют основанию Господом Иисусом Христом Его Церкви: «Горе миру от соблазнов, ибо надобно прийти соблазнам» (Мф. 18:7).

Это значит, что четырехфункциональная парсоновская модель остается безупречно корректной лишь в случае идеального функционирования системы богочеловеческого сообщества, каковой является Церковь — Тело Христово. Но для пасторологического применения этого уже более чем достаточно. Наличие эталона значительно облегчает своевременное обнаружение всех функциональных сбоев в системе. Более

того, сама эта системно-функциональная парадигма предусматривает актора, обязанного в «ручном режиме» отслеживать все системные «сбои». Понятно, что это задача церковной иерархии, отвечающей за функцию воспроизводства системообразующих образцов поведения. В ее обязанности входит как обнаружение, так и исправление нестроений в Церкви.

Системные сбои обычно начинаются с повреждения системообразующей функции, каковой в Православии является Евхаристия, интегрирующая воедино всех акторов, небесных и земных. Отсюда прямой вывод, что все сбои проистекают из «дисфункции» евхаристической жизни как у отдельных членов Церкви — клириков и мирян, так и в Церкви в целом. Это евхаристическое «выгорание», которое у священнослужителей может протекать вполне в соответствии с описанным в 1970-х гг. синдромом эмоционального выгорания (Burn-Out)⁸¹. Евхаристия в этом случае для священника перестает быть неисчерпаемым источником духовной радости и жизненной энергии. Пастырь утрачивает мотивацию к прямой задаче Церкви — единению всех членов Церкви с Богом и между собой. «Выгорание» не всегда приводит священнослужителя к разрыву с Церковью, но всегда становится трагедией лично для него и для его паствы. Когда речь заходит о практике редкого причащения мирян, то для нее можно найти сколько угодно объективных исторических объяснений. Однако в духовной глубине все равно таится «охлаждение» священнослужителей.

Евхаристическое «выгорание» отдельного священника в контексте четырехфункционального анализа можно охарактеризовать как системный сбой. При этом речь идет не о масштабах проблемы, а о ее системном характере, о повреждении системообразующей интегративной функции, в роли которой выступает Евхаристия. Евхаристическое выгорание обычно выпадает за рамки традиционного пасторологического анализа, поскольку далеко не все пасторологи столь решительно ставят совершение Евхаристии в самый центр пастырства, как это сделал архим. Киприан (Керн). Однако, если всерьез отнестись к евхаристоцентричности пастырского служения, на котором он настаивает, то все искушения пастыря, в том числе искушение «младостарчеством», следует

⁸¹ Freudenberger H. "Staff Burn-Out," Journal of Social Issues, vol. 30, № 1 (1974): 159–165.

признать следствием евхаристического выгорания. Под «младостарчеством» обычно понимается искушение неопытных духовников руководить духовными чадами, полностью лишив их свободного выбора. Архим. Киприан настаивает, что при этом центр жизни священника перемещается с Евхаристии на руководство пасомыми, которое становится скорее волевым, чем духовным. «Младостарчеству», которому он дает несколько уничтожающих характеристик, противопоставляется Евхаристия как главное содержание пастырства. О скороспелых духовниках он говорит: «тонкие инквизиторы душ, любящие пастырствовать через “диктатуру совести”, которую можно легко называть старчеством, хотя она с настоящим старчеством и не имеет ничего общего»; «молодым иереям, помня о древней практике, следовало бы поосторожнее пускаться в глубокие воды “старчества”, и поменьше говорить о своем “духовническом опыте”, каковым в сущности они и не успели еще обогатиться»⁸². «Что может восполнить односторонность и исключительно психологический момент воздействия совести на совесть?» — задается пасторолог вопросом о наиважнейшем в пастырстве. «В самом главном христианском таинстве, — ответим мы, — в евхаристической жизни, в приобщении евхаристическому телу и мистическому телу Церкви. Евхаристическая жизнь есть и должна быть главным духовным устремлением священника»⁸³.

Если согласиться с аргументацией архим. Киприана, то искушение «младостарчеством» — это ущерб главному, Евхаристии в пользу второстепенного, т. е. духовничества. В свете системно-функционального анализа подмена священником ценности евхаристического опыта привлекательностью духовного руководства — это «системный сбой». По словам свт. Игнатия (Брянчанинова), такое «старчество» есть «душепагубное актерство и печальнейшая комедия — старцы, которые принимают на себя роль древних святых старцев, не имея их духовных дарований, да ведают, что самое их намерение, самые мысли и понятия их о великом иноческом делании — послушании суть ложные, что самый их образ мыслей, их разум, их знание суть самообольщение и бесовская

⁸² Киприан (Керн), архим. Православное пастырское служение... С. 24.

⁸³ Там же. С. 46.

прелесть»⁸⁴. С 70-х гг. XX в. осуждение подобной практики духовничества постоянно высказывалось преподавателями духовных школ, богословами, иерархами Русской Православной Церкви. В 1987 г., когда митр. Антоний Сурожский († 2003) произнес свою речь на Международной богословской конференции, посвященной 1000-летию Крещения Руси⁸⁵, пожалуй, впервые за десятилетия вопрос о младостарчестве был остро поставлен перед столь широкой общественностью. «Подчас молодые люди, выходящие из богословских школ, — предупреждал архипастырь, — воображают, будто рукоположение наделило их и умом, и опытностью, и “различением духов”, и делаются тем, что в аскетической литературе называли “младостарцами”... В результате получается некая карикатура духовной жизни у его жертв... А для духовника — катастрофа, потому что он вторгается в такую область, в которую у него нет ни права, ни опыта вторгаться. Я настаиваю на этом, потому что это насущный вопрос для священства»⁸⁶.

К «системному сбою» следует также отнести попытку уже прямой подмены Евхаристии мистическими практиками. Сегодня велик соблазн подмены евхаристического единения Вселенской Церкви техническими возможностями коммуникации через интернет, обеспечивающими массовое чтение «молитв по соглашению». Печальным примером может служить новоявленная интернет-мистерия «молитв по соглашению» бывшего прот. Владимира Головина (г. Болгар, Татарстан)⁸⁷. Важно, что этот системный сбой был вовремя замечен и купирован Церковью.

Еще одним «системным сбоем» в Церкви является подмена Евхаристии практиками социального общения, примером которой служит

⁸⁴ Игнатий (Брянчанинов), свт. О жителстве в послушании у старца // Приношение современному монашеству. М., 2011. С. 64.

⁸⁵ Антоний (Блум), митр. Духовность и духовничество // О встрече, изд. 2-е, испр. и доп. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2004. С. 238–248.

⁸⁶ Там же. С. 239.

⁸⁷ Суть проекта в синхронном прочтении желающими специально составленных молитв; согласно предложенной «опции», могут быть исполнены Богом молитвы лишь тех, кто получил от организаторов доступ к одновременному чтению молитв, переведя на их банковский счет определенную сумму. Церковный суд Чистопольской епархии признал в его деятельности «создание сообщества, противопоставившего себя Церкви... искажение учения Церкви о молитве...» (Решение от 14 февраля 2019 г.).

инициатива основателя Сретенского братства свящ. Георгия Кочеткова, который более 20 лет назад пытался новую практику распространить на всю Русскую Православную Церковь. Суть новой «евхаристической экклезиологии» — в восполнении Евхаристии «полулитургическими» «закрытыми встречами»-агапами, «которые являются “трапезами любви” и “браком Агнца” с Его Невестой Церковью»⁸⁸. По мнению создателей этой практики, литургия должна быть дополнена «пятым элементом» таинства, в котором «сливаются все таинства веры и жизни Церкви... вся полнота Церкви и церковности»⁸⁹. Однако по факту это всего лишь восполнение дефицита социального общения людей, остро переживающих свое одиночество в условиях урбанистической цивилизации. Согласно заключению специальной Комиссии, соблазн «восполнить» Евхаристию якобы недостающим в ней социальным общением приводит к прямому искажению евхаристической экклезиологии⁹⁰.

Экскурс в историю пасторологии показывает, как вместе со смелой эпистемологическими парадигм новоевропейской науки менялись методологические нормы пастырского богословия в России. На рубеже XVIII–XIX вв. пасторология, как и остальные богословские дисциплины, приняла методологические нормы исторической критики. В самом начале XX в. пасторологическая наука стихийно перешла от исторической критики к методам социально-педагогических практик, развитых в неокантианских традициях априоризма. Следует, однако, констатировать, что с тех пор до наших дней методологическое развитие пасторологии остановилось.

Совершенно очевидно, что весь нарратив богословского образования при определенном переосмыслении мог бы стать ветвями, вырастающими

⁸⁸ Кочетков Г., свящ. Слово новопросвещенным после «пустыни» // Православная община. Журнал Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы. 1999. № 51. [<https://pravoslavnaya-obshina.ru/1999/no51/article/svjashch-georgii-kochetkov-slovo-novoprosveshchennym-posle/>, доступ от 7.11.2023].

⁸⁹ Кочетков Г., свящ. Введение в таинствоводство (мистагогию) // Православная община. Журнал Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы. 1999. № 54. [<https://pravoslavnaya-obshina.ru/1999/no54/article/svjashch-georgii-kochetkov-vvedenie-v-tainstvovodstvo-mi/>, доступ от 7.11.2023].

⁹⁰ Богословские изыскания свящ. Георгия Кочеткова. Заключение двух комиссий 30.06–5.11.2000 // Православие.ру. 6.05.2016. [<http://www.pravoslavie.ru/59597.html>, доступ от 7.11.2023].

на сильном стволе пасторологии. Недостает лишь динамичной системы всего содержательного материала этой дисциплины — ясно сконструированной, какой могла бы стать системно-функциональная модель. Ведь система не равняется сумме составляющих ее узлов и связей; она всегда дает намного большее понимание предмета, чем простая рядоположенность всех элементов.

ИСТОЧНИКИ

ОСНОВНЫЕ ПАСТОРОЛОГИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ В ХРОНОЛОГИЧЕСКОМ ПОРЯДКЕ

1711 г. — Buddeus J. *Institutiones theologiae moralis variis observationibus illustratae*. Lipsiae: Apud haeredes Thomae Fritsch, 1727. [16], 705, [15] p.

1759 г. — Liguori A. *Homo Apostolicus instructus in sua vocatione*, in 2 T. Mechliniae: H. Dessain: P. J. Hanicq, 1842–1867.

1776 г. — *О должностях пресвитеров приходских*. М.: Издательство Сре-тенского монастыря, 2004. 221 с.

1851 г. — Амфитеатров Я. Г. (Антоний), архим. *Пастырское богословие*. Киев: Типография Киево-Печерской лавры, 1851. 170 с.

1870 г. — Платон (Фивейский), архиеп. *Напоминание священнику об обязан-ностях его при совершении таинства Покаяния*. В 2 ч. Изд. 4-е. СПб.: Вос-кресение, 2004. V, 224, 217, IV, IV с.

1899 г. — Иннокентий (Пустынский), иером. *Пастырское богословие в Рос-сии за XIX в.* Сергиев Посад: Свято-Троицкая Сергиева лавра, собственная типография, 1899. XL, 420, IV с.

1900 г. — Антоний (Храповицкий), митр. *Пастырское богословие*. Печоры: Свято-Успенский Псково-Печерский монастырь: М.: «АРП Инт. Ко.», 1994. 325 с.

1911 г. — Вениамин (Федченков), иером. *Лекции по пастырскому богословию с аскетикой, читанные студентам Санкт-Петербургской духовной акаде-мии в 1910/1911 учебном году*, изд. студентом IV курса свящ. В. И. Зыковым. СПб.: Литография Я. Богданова, 1911. 292 с. Также: Вениамин (Федченков), митр. *Лекции по пастырскому богословию с аскетикой*. М.: Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, 2006. 352 с.

1930 г. — Шавельский Г. И., протопресв. *Православное пастырство*. СПб.: Издательство Русского христианского гуманитарного института, 1996. 679 с.

1948 г. — Вениамин (Милов), еп. “Основы пастырства как богоустановленного института.” In *Пастырское Богословие с аскетикой*, 15–22. М.: Издательство Московского подворья Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 2002.

1957 г. — Киприан (Керн), архим. *Православное пастырское служение: Из курса лекций по пастырскому богословию*. Париж: Издательство журнала «Въчное», 1957. 253 с.

1961 г. — Константин (Зайцев), архим. *Пастырское Богословие: курс лекций, читаемый в Свято-Троицкой духовной семинарии*. М.: Свет Православия, 2002. 364 с.

1960-е гг. — Пантелеимон (Агриков), схиархим. *Пастырское богословие*. Загорск: Московская духовная академия, 1967. 45 с.

1968 г. — Остапов А., прот. *Пастырская эстетика*. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2012. 77 с.

1970-е гг. — Иоанн (Маслов), схиархим. *Лекции по пастырскому богословию*. М.: Самшит, 2001. 406 с.

1976 г. — Георгий (Капсанидис), архим. *Пастырское служение по священным канонам*. М.: Святая Гора, 2006. 299 с.

1987 г. — Антоний (Блум), митр. “Духовность и духовничество.” In *О встрече*, изд. 2-е, испр. и дополн, 238–248. Клин: Фонд «Христианская жизнь», 2004.

1997 г. — Лебедев Л., прот. *Заметки по пастырскому богословию*. Сан-Франциско: Русский пастырь, 1999. 158 с.

2010 г. — Ведерников Н., прот., Ведерников И., иером. *Быть священником вчера и сегодня*. М.: Издательство Московской Патриархии, 2010. 281 с.

2018 г. — Дронов М., прот. “Системно-функциональный взгляд на миссионерство.” In *Материалы XIV Международного форума Липецк-Задонск. 26–28 апреля*, под редакцией Н. Я. Безбородовой, Н. В. Стюфляевой, 296–303. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского, 2019.

ЛИТЕРАТУРА

1. “Богословские изыскания священника Георгия Кочеткова. Заключение двух комиссий 30.06–5.11.2000.” Православие.ру. March 6, 2016. <http://www.pravoslavie.ru/59597.html>. [Accessed November 7, 2023].

“Theological Studies of the Priest Georgy Kochetkov. Conclusions of Two Commissions 30.06–5.11.2000.” Pravoslavie.ru. March 6, 2016. <http://www.pravoslavie.ru/59597.html>. [Accessed November 7, 2023].

2. Бэкон Ф. *Сочинения*. В 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1978. 575 с., 9 ил. (Философское наследие).

Bacon F. *Works*. In 2 t. Т. 2. Moscow: Mysl, 1978. 575 p., 9ills. (Filosofskoe nasledie).

3. Вико Дж. *Основания новой науки об общей природе наций*. Л.: ГИХЛ, 1940. XXVI, 620 с., 5 ил.

Vico G. *Principles of the New Science Concerning the Common Nature of Nations*. Leningrad: GIHL, 1940. XXVI, 620 p., 5 ill.

4. Гайденок П. П. “К проблеме становления новоевропейской науки.” Вопросы философии. №5. (2009): 80–92.

Gaidenko P. “Toward Problem of Formation of New European science.” Voprosy filosofii. No. 5. (2009): 80–92.

5. Дронов М., прот. “И снова о русской душе.” Геополитика.ru. April 22, 2016. <https://www.geopolitica.ru/article/i-snova-o-russkoy-dushe>. [Accessed November 7, 2023].

Dronov M, archpriest. “And again about the Russian soul.” Geopolitika.ru. April 22, 2016. <https://www.geopolitica.ru/article/i-snova-o-russkoy-dushe>. [Accessed November 7, 2023].

6. Заозерский Н. *Предание Церкви и предания школы*. Сергиев Посад: Типография Свято-Троицкой Сергиевой лавры, 1910. X, 298 с.

Zaozerskij N. *The Tradition of the Church and the School Traditions*. Sergiyev Posad: Tipografiya Svyato-Troickoj Sergievoy Lavry, 1910. X, 298 p.

7. Игнатий (Брянчанинов), свт. “О жителстве в послушании у старца.” In *Приношение современному монашеству*, 63–67. М.: Благовест, 2011.

Ignatij (Bryanchaninov), saint. “About Living in Obedience to the Elder.” In *An Offering to Modern Monasticism*, 63–67. Moscow: Blagovest, 2011.

8. Игнатий (Брянчанинов), свт. “Прибавление к “Слову о смерти”.” In *Полное Собрание сочинений*. Т. 3, 178–299. М.: Паломник, 2006.

Ignatij (Bryanchaninov), saint. “Addition to the «Word on the Death».” In *Completed Works*. Т. 3, 178–299. Moscow: Palomnik, 2006.

9. Кочетков Г., свящ. “Введение в таинствоводство (мистагогию).” Православная община. Журнал Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы. № 54. (1999). <https://pravoslavnaya-obshina.ru/1999/no54/article/svjashch-georgii-kochetkov-vvedenie-v-tainstvovodstvo-mi/> [Accessed November 7, 2023].

Kochetkov G., priest. “Introduction to Leading Sacraments (Mystagogy).” Pravoslavnaya obshchina. Zhurnal Svyato-Filaretovskoj moskovskoj vysshej pravoslavno-hristianskoj shkoly. № 54. (1999). <https://pravoslavnaya-obshina.ru/1999/no54/article/svjashch-georgii-kochetkov-vvedenie-v-tainstvovodstvo-mi/> [Accessed November 7, 2023].

10. Кочетков Г., свящ. “Слово новопросвещенным после «пустыни».” Православная община. Журнал Свято-Филаретовской московской высшей православно-христианской школы. № 51. (1999). <https://pravoslavnaya-obshina.ru/1999/no51/article/svjashch-georgii-kochetkov-slovo-novoprosveshchennym-posle/> [Accessed November 7, 2023].

Kochetkov G., priest. "The Word to Newly Enlightened after the "Desert".
Pravoslavnaia obshchina. Zhurnal Svyato-Filaretovskoj moskovskoj vysshej
pravoslavno-hristianskoj shkoly. № 51. (1999). <https://pravoslavnaia-obshchina.ru/1999/no51/article/svjashch-georgii-kochetkov-slovo-novoprosveshchennym-posle/>
[Accessed November 7, 2023].

11. Линицкий П. И. "Положение и нужды нашего духовного, преимущественно высшего образования." Вера и Разум. № 20. (1897): 317–334; №21. (1897): 361–376.

Lipnickij P. "The Situation and Needs of Our Spiritual, Mainly Higher Education."
Vera i Razum. № 20. (1897): 317–334; № 21. (1897): 361–376.

12. Максимов Г., священник. "Правда о практике частого причащения." Православие.ру. May 22, 2008. <https://pravoslavie.ru/5784.html> [Accessed November 7, 2023].

Maksimov G., priest. "The Truth About the Practice of Frequent Communion."
Pravoslavie.ru. May 22, 2008. <https://pravoslavie.ru/5784.html> [Accessed November 7, 2023].

13. Маркс К. "Предисловие ко второму изданию." In Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 23, 12–22. М.: Госполитиздат, 1960.

Marx K. "The Foreword to the Second Edition." In Marx K., Engels F. Works. 2nd ed. Т. 23, 12–22. Moscow: Gospolitizdat, 1960.

14. Наторп П. *Социальная педагогика. Теория воспитания воли на основе общности*. Пер. А. А. Громбаха с 3-го доп. нем. изд-я. СПб.: О. Богданова, 1911. XXVI, [2], 360 с.

Natorp P. *Social Pedagogy. The Theory of Educating the Human Will into a Community Asset*, transl. by A. A. Grombah from the 3rd Germ. compl. ed. Saint-Petersburg: O. Bogdanova, 1911. XXVI, [2], 360 p.

15. Отто Р. *Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным*. СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. 269 с.

Otto R. *Sacred. On the Irrational in the Idea of the Divine and its Relation to the Rational*. Saint-Petersburg: Izdatelstvo SPbGU, 2008. 269 p.

16. Парсонс Т. *О структуре социального действия*. М.: Академический проект, 2000. 880 с.

Parsons T. *The Structure of Social Action*. Moscow: Akademicheskij proekt, 2000. 880 p.

17. Парсонс Т. *Система современных обществ*. Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. М.: Аспект-Пресс, 1997. 270 с.

Parsons T. *The System of Modern Societies*, trans. from Eng. by L. A. Sedova and A. D. Kovaleva. Moscow: Aspekt-Press, 1997. 270 p.

18. Парсонс Т. *Социальная система*. М.: Академический проект, 2018. 529 с.

Parsons T. *The Social System*. Moscow: Akademicheskij proekt, 2018. 529 p.

19. Петров В. С. “Развенчивание мифов об образовании пастырей: опыт XX в.” Богослов.ru. Научный богословский портал. June 29, 2020. <https://bogoslov.ru/article/6165566>. [Accessed November 7, 2023].

Petrov V. “Debunking Myths About the Education of Pastors: the Experience of the Twentieth Century.” Bogoslov.ru. Nauchnyj bogoslovskij portal. June 29, 2020. <https://bogoslov.ru/article/6165566>. [Accessed November 7, 2023].

20. Поппер К. “Логика социальных наук. Девятнадцатый тезис.” Вопросы философии. № 10. (1992): 65–75.

Popper K. “The Logic of Social Science. The Nineteenth Thesis.” Voprosy filosofii. No. 10. (1992): 65–75.

21. Ватиканский собор II. *Догматическая конституция «Божественное Откровение»*. Ватикан: Tipografia poliglotta Vaticana, 1967. 22 с.

The Holy Second Ecumenical Council of the Vatican. *The Dogmatic Constitution “Divine Revelation”*. Vatican: Tipografia poliglotta Vaticana, 1967. 22 p.

22. Dronov M. “Die Person und die interpersonale Beziehung in der Theologie der östlichen Kirche des 20. Jahrhunderts. Quellen und Entwicklungstendenzen.” In *Phänomenologie der Religion. Zugänge und Grundfragen*, hrsg. von Markus Enders, Holger Zaborowski, 353–365. München: Alber, 2004.

23. Freudenberger H. “Staff Burn-Out.” Journal of Social Issues. Vol. 30. No. 1. (1974): 159–165.

24. Niebuhr B. *Römische Geschichte*. 3 Bde. Berlin: Verlag von S. Calvary & Co, 1811–1832.

25. “Pastoral Theology.” Catholic Encyclopedia. New York: Robert Appleton Company. <https://www.newadvent.org/cathen/14611a.htm>. [Accessed November 7, 2023].

26. Parsons T. “Sociological Reflections on the United States in Relation to the European War” [1941]. In Uta Gerhardt, ed. Talcott Parsons on National Socialism. New York: Aldine de Gruyter, 1993. 194 p.

27. “St. Alphonsus Liguori.” Catholic Encyclopedia. New York: Robert Appleton Company. <https://www.newadvent.org/cathen/01334a.htm>. [Accessed November 7, 2023].

28. Stingl A. *Between Discursivity and Sensus Communis: Kant, Kantianism and the Social Media Theory of Talcott Parsons*. Inaugural-Dissertation, Friedrich-Alexander-Universität. Erlangen: OPUS Erlangen-Nürnberg University Press, 2008. 485 p.

Статья поступила в редакцию: 18.12.2023

The article was submitted: 18.12.2023

Статья поступила в редакцию после доработки: 25.03.2024

The article was revised: 25.03.2024

Статья принята редакцией: 28.03.2024

The article was accepted: 28.03.2024

ИЗДАТЕЛЬСТВО ОЦАД

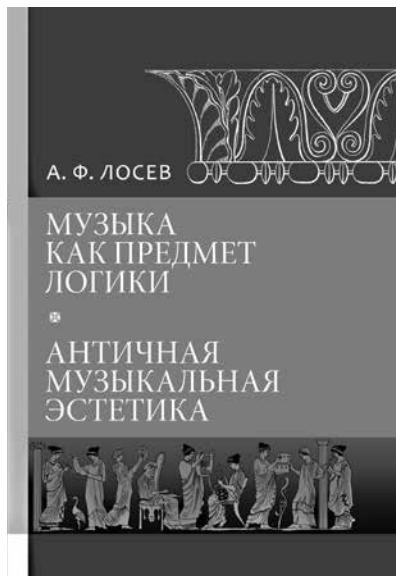
Общецерковная аспирантура и докторантура во имя святых равноапостольных Кирилла и Мефодия осуществляет издательскую деятельность. На новом этапе её приоритетным направлением является издание трудов, носящих научный и научно-образовательный характер, охватывающих различные области гуманитарного знания — классическую филологию, богословские и церковно-практические дисциплины, философию, историю. Особое внимание уделяется публикации десятилетиями не переиздававшихся признанных в академическом сообществе монографий и учебных пособий, а также работ учёных из числа профессорско-преподавательского состава ОЦАД.

НАУЧНЫЕ ИЗДАНИЯ ОЦАД

МУЗЫКА КАК ПРЕДМЕТ ЛОГИКИ. АНТИЧНАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ ЭСТЕТИКА А. Ф. ЛОСЕВ.

Лосев А. ф. Музыка как предмет логики. Античная музыкальная эстетика. М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия, 2023. 528 с.

В издание, приуроченное к 130-летию со дня рождения крупнейшего русского филолога и философа XX в., вошли его две ранее никогда не публиковавшиеся под одной обложкой книги: «Музыка как предмет логики», впервые опубликованная в 1927 году, и вышедшая в 1960 году «Античная музыкальная эстетика». В них автор синтезирует и творчески интерпретирует значительный исторический опыт осмысления музыки — от философских взглядов античных времен до современных ему эстетических концепций. Издание сопровождается послесловием специалиста по философии музыки А. Ф. Лосева доктора искусствоведения, профессора и проректора по научной работе Московской государственной консерватории К. В. Зенкина. Книга предназначена для философов, эстетиков, музыковедов, филологов, искусствоведов, культурологов, а также будет полезна читателям, интересующимся историей культуры и эстетической проблематикой.

ИСТОРИЯ РИМСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В 2 ТОМАХ. ПЕРЕИЗДАНИЕ

История римской литературы. В 2 т. Т. 2. Литература ранней и поздней Империи / под ред. С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского. — М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. св. равноап. Кирилла и Мефодия, 2023. 735 с.: ил.

Двухтомник является первым переизданием «Истории римской литературы», вышедшей в свет в 1959–1962 гг. в Издательстве Академии наук СССР под редакцией С. И. Соболевского, М. Е. Грабарь-Пассек, Ф. А. Петровского.

Литература римского периода оказала огромное влияние на развитие европейской литературы, которая, по сути, была невозможна без великих идей античности. В издании помещены литературные памятники, имеющие важное значение как для истории литературы и латинского языка, так и для истории развития античной мысли в целом.

Первый том охватывает период с III в. до н. э. до первой половины I в. н. э., т. е. всю эпоху Римской республики и принципата. В томе II содержатся произведения латинских писателей начиная с I до V в. н. э., вплоть до падения Западной Римской империи. Среди наиболее значимых авторов в книге представлены Теренций, Цицерон, Юлий Цезарь, Лукреций, Катулл, Вергилий, Гораций, Тибулл, Овидий, Тит Ливий, Сенека, Тацит.

БОГ В РУССКОЙ МЫСЛИ, КУЛЬТУРЕ, ИСТОРИИ МАТЕРИАЛЫ ЕЖЕГОДНОЙ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ОЦАД, 2023

Бог в русской мысли, культуре, истории : материалы Ежегодной междисциплинарной научной конференции Общецерковной аспирантуры и докторантуры им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия «Церковь и время». — М.: Общецерковная аспирантура и докторантура им. свв. равноап. Кирилла и Мефодия, 2024. 320 с.

Издание представляет собой сборник материалов Первой ежегодной междисциплинарной научной конференции ОЦАД «Церковь и время: Бог в русской мысли, культуре, истории», прошедшей в Москве 4–5 апреля 2023 года.

Сборник состоит из разделов: «Бог в русской богословской, философской и церковно-правовой мысли», «Бог в осмыслении исторических судеб России», «Бог в библейских исследованиях, переводах и экзегезе русских ученых», «Образ Бога в русской духовной и светской словесности», «Идеал богоподобия в монашеской традиции Русской Церкви». Авторы статей видные представители российской церковной и светской науки из столицы и регионов.

